ИЛЛЮЗИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ
АРХИТЕКТУРА ОДНОЙ СИСТЕМЫ
ФИНАНСИРОВАНИЕ
СУДЕБНЫЕ РЕШЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СВЯЗИ
КЭМЕРОН ФРОСТ

Иллюзия независимости: Архитектура одной системы

Кэмерон Фрост

Настоящее издание является художественным произведением. Все имена, персонажи, события, организации, компании и иные элементы повествования являются результатом художественного вымысла. Любое сходство с реальными лицами, действующими или прекратившими деятельность организациями, компаниями, а также с реальными событиями и обстоятельствами носит исключительно случайный и непреднамеренный характер.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Архитектор финансовых потоков

Глава 2. Казус Совета Европы

Глава 3. Правозащитники на скамье подсудимых

Глава 4. Российский импорт

Глава 5. Экспертиза как инструмент

Глава 6. Исторические корни

Глава 7. Механика дегуманизации

Глава 8. Государственный заказ

Глава 9. Симбиоз со спецслужбами

Глава 10. Экспорт репрессий

Глава 11. Конечная переменная

Пролог

Терраса утопала в утренней тишине. Воздух еще хранил ночную прохладу, а солнце только начало золотить верхушки сосен, не успев нагреть каменные плиты пола. На деревянном столе стояла чашка кофе. Над темной поверхностью напитка уже не поднимался пар — идеальная температура для того, чтобы сделать глоток, не отвлекаясь от бумаг.

Безупречная головоломка не пугает сложностью. Ее прелесть в том, что правильный ответ всегда лежит на поверхности. Нужно лишь правильно настроить оптику. На столе, прижатые пресс-папье от легкого ветра, лежали три стопки документов. Финансовые аудиты, судебные постановления, официальные регламенты Совета Европы. Разрозненные фрагменты информационного шума, которые ждали своей систематизации.

Объект исследования значился в документах как FECRIS — Европейская федерация центров исследования и информации о сектантстве. Дата регистрации: 1994 год. География: тридцать стран. Публичный фасад здания выглядел монолитно. Организация позиционировала себя через три базовые переменные: независимая, правозащитная, общественная.

Ветер шевельнул верхний лист в первой стопке. Финансовый отчет французских ассоциаций CCMM и UNADFI, выступивших учредителями федерации. Столбцы цифр выстраивались в строгую математическую последовательность. Графа «государственные субсидии» показывала 99%. Графа «частные пожертвования» стремилась к статистической погрешности. Аудит самой FECRIS за период с 2003 по 2008 год демонстрировал еще более аскетичную картину: сто процентов финансирования из бюджета Франции. Абсолютный ноль частного капитала.

Переменная «независимость» рассыпалась при первом же столкновении с калькулятором.

Глоток остывшего кофе оставил на языке легкую горечь. Взгляд переместился на вторую стопку. Регламент Совета Европы, датированный 2005 годом. Тот самый год, когда объект получил статус неправительственной

организации. Текст документа содержал жесткое, не терпящее двояких трактовок условие: структуры, полностью финансируемые государством, не имеют права на статус НКО. Чистая формальная логика. Векторы направлены в противоположные стороны. Сто процентов государственных денег FECRIS против требования о нулевом государственном участии. Статус был присвоен вопреки письменным правилам самого органа, его выдавшего.

Вторая переменная не прошла верификацию.

Третья стопка бумаг казалась самой массивной. Судебные архивы. Здесь заканчивались декларации и начиналась юриспруденция. Вена, Штутгарт, Женева, Стокгольм. Имена руководителей и ключевых функционеров федерации пестрели в резолютивных частях приговоров. Фридрих Грисс — осужден за клевету. Швейцарский филиал — приговор за насильственное лишение свободы с применением слезоточивого газа. Шведское отделение — похищение человека. Европейский суд по правам человека официально зафиксировал нарушение фундаментальных свобод испанским филиалом.

Люди, заявляющие о защите прав человека, систематически привлекались к уголовной ответственности за их грубейшее нарушение. Третья переменная оказалась ложной.

Солнце поднялось выше, стирая длинные утренние тени. Математика системы сошлась. Логических пустот не осталось. Гигантская международная правозащитная сеть на поверку оказалась цепочкой частных квартир, за спинами владельцев которых стояли миллионные бюджеты французского правительства. Система успешно пережила коррупционные скандалы, адаптировалась и продолжала функционировать, не имея под собой ни одного реального юридического основания из тех, что декларировала.

Факты были установлены. Но для аналитического ума здесь только начиналась настоящая работа. Зачем крупному европейскому государству десятилетиями содержать эту искусственную сеть? Какую реальную функцию выполняет этот инструмент в масштабах континента? И кто является истинным бенефициаром структуры, научившейся быть неуязвимой для законов?

Ответы скрывались глубже — в архивах других стран, в биографиях забытых чиновников и в механизмах, которые запускались далеко за пределами уютной утренней террасы.

Глава 1. Архитектор финансовых потоков

В тишине Национальной библиотеки Франции шелест страниц казался оглушительным. Высокие своды читального зала Ришелье поглощали звуки города, оставляя лишь сухой, бумажный шорох времени. Воздух пах пылью и старым клеем. На массивном дубовом столе в строгом порядке были разложены ксерокопии документов, датированных началом восьмидесятых. Сквозь стеклянный купол лился ровный, бестеневой свет, падая на машинописные листы правительственного доклада 1983 года.

Текст был напечатан на плотной бумаге, буквы местами пробивались сквозь лист, оставляя рельефный след. Документ носил название «Секты во Франции: выражение нравственной свободы или факторы манипулирования?». Автором значился Ален Вивьен — имя, которое в последующие десятилетия станет синонимом бескомпромиссной борьбы с «сектантской угрозой». Но в 1983 году этот доклад стал лишь первым камнем в фундаменте будущей системы.

Слова на бумаге складывались в четкие, тревожные формулировки. Вивьен описывал Францию как страну, осажденную невидимым врагом. Он приводил данные о росте числа нетрадиционных религиозных движений, оперировал понятиями «психическое манипулирование» и «разрушение личности». Каждая страница нагнетала атмосферу страха, создавая образ неминуемой катастрофы. И в конце, как логическое завершение этого нагнетания, следовала рекомендация: государству необходимо создать специализированный орган для

борьбы с культами. Орган, наделенный широкими полномочиями и, что самое главное, доступом к бюджетным средствам.

Доклад не был опубликован сразу. Он пролежал в правительственных кабинетах два года, прежде чем увидел свет в 1985-м. За это время Вивьен не сидел сложа руки. Он активно выстраивал параллельную структуру, которая должна была стать общественным фасадом его государственной инициативы.

Справа от доклада лежала тонкая папка с выписками из реестра некоммерческих организаций. Внимание привлек документ о регистрации ассоциации CCMM — Centre Contre les Manipulations Mentales (Центр против психических манипуляций). Год основания — 1981. Президент — Ален Вивьен.

Пазл начал складываться, но не так, как ожидалось. Вивьен, действующий член парламента, готовит правительственный доклад, в котором обосновывает необходимость государственного вмешательства в сферу религии и создания специального контролирующего органа. Одновременно он возглавляет частную «общественную» организацию с теми же целями.

Следующий документ — выписка из парламентских архивов. Вивьен, депутат от Социалистической партии, активно лоббирует выделение средств на борьбу с сектантством. И куда же направляются эти средства? График финансирования CCMM за конец восьмидесятых и начало девяностых показывал неуклонный рост государственных субсидий.

Контраст между риторикой и реальностью был разительным. С трибун звучали слова о защите прав человека, о спасении семей от разрушительного влияния культов. А в бухгалтерских книгах фиксировался процесс перекачивания денег налогоплательщиков в частную структуру, возглавляемую тем же самым человеком, который эти деньги распределял.

Свет из-под купола сместился, осветив стопку финансовых отчетов за 1996 год. Именно в этом году рекомендация из доклада Вивьена 1983 года была, наконец, реализована. Правительство учредило Observatoire Interministériel sur le Sectes — Межведомственную обсерваторию по вопросам культов.

Спустя два года, в 1998-м, обсерватория была переименована в MILS (Mission Interministérielle de Lutte Contre les Sectes — Межведомственная миссия по борьбе с культами). И кто же стал ее президентом? Ален Вивьен.

Круг замкнулся. Человек, создавший проблему в своем докладе, возглавил государственный орган по ее решению и одновременно руководил частной структурой, получающей деньги на это решение.

MILS подчинялась напрямую канцелярии премьер-министра Франции. Это означало не просто высокий статус, это означало беспрепятственный доступ к фондам различных министерств. Миссия сотрудничала с полицией и Renseignements Généraux (французскими спецслужбами). В руках одного человека оказались сосредоточены огромные ресурсы: административные, силовые и финансовые.

На столе лежали таблицы, демонстрирующие распределение грантов. В период управления MILS Вивьеном, государственные потоки текли широкой рекой в двух направлениях: в CCMM и в UNADFI (Union Nationale des Associations de Défense de la Famille et de l'Individu — Национальный союз ассоциаций по защите семьи и личности).

UNADFI, еще одна ключевая структура в этой схеме, получала грандиозные суммы. Таблицы за 1996–2000 годы показывали, что государственные средства составляли подавляющее большинство ее бюджета. Графа «частные пожертвования и членские взносы» выглядела жалко на фоне миллионных вливаний из казны.

Аналогичная картина наблюдалась и в CCMM. В период с 1999 по 2011 год доля средств, получаемых CCMM от государственных структур, составляла в среднем 98%.

Организации, заявляющие о своей независимости и широкой общественной поддержке, на деле оказались полностью зависимыми от государства. Более того, они существовали исключительно благодаря государственному финансированию. Частные лица, граждане, которых якобы защищали эти структуры, не спешили расставаться со своими деньгами ради их поддержки.

Для сравнения, в тех же документах приводились данные по организации «Врачи без границ» (Médecins sans Frontières). Эта всемирно известная и уважаемая НПО получала от французского государства лишь 5% своего дохода. Остальные 95% поступали от частных доноров.

Разница была колоссальной. 98% государственных денег у борцов с сектами против 5% у врачей, спасающих жизни в горячих точках. Цифры говорили сами за себя. Общественная поддержка антикультовых инициатив была равна нулю. Вся их деятельность, все их шумные медиакампании оплачивались из кармана налогоплательщиков, зачастую без ведома последних.

Действуя по всей территории Франции, UNADFI и CCMM имели «зону охвата» более чем в 66 миллионов жителей. Десятилетиями граждан затапливали финансируемые государством беспрестанные и навязчивые медиакампании об «опасности культов». Но несмотря на эту массированную пропаганду, люди не несли свои деньги борцам с сектами.

Механизм работал безупречно. Государство создавало проблему (через доклады Вивьена), выделяло средства на ее решение (через MILS), а затем распределяло эти средства между «независимыми» организациями (CCMM и UNADFI), которые, в свою очередь, создавали информационный шум, оправдывающий дальнейшее финансирование.

Перпетуум-мобиле бюрократического распила.

Но любая система, основанная на обмане и жадности, рано или поздно дает сбой.

Среди бумаг на столе лежал документ, датированный ноябрем 2002 года. Аудиторский отчет о проверке деятельности MILS. Текст изобиловал сухими бухгалтерскими терминами: «нецелевое расходование», «превышение полномочий», «отсутствие финансовой дисциплины».

За этими скучными формулировками скрывалась масштабная коррупционная схема. Половину бюджета MILS Вивьен потратил на зарубежные поездки. Остальные значительные суммы пошли на приобретение элитной недвижимости для UNADFI и CCMM. Около 700 000 евро (в пересчете на современные деньги) было потрачено на покупку здания для UNADFI, и аналогичная сумма — на штаб-квартиру CCMM.

Деньги, выделенные на борьбу с «сектантской угрозой», превратились в роскошные офисы и дорогие командировки для узкого круга лиц.

Скандал был неизбежен. Вивьен подал в отставку. MILS была упразднена.

Казалось бы, справедливость восторжествовала. Система рухнула под тяжестью собственной алчности. Но бюрократическая машина умеет мимикрировать.

Следующий документ из папки — постановление правительства Франции. Дата: вскоре после ликвидации MILS. Содержание: создание MIVILUDES (Mission Interministérielle de Vigilance et de Lutte Contre les Dérives Sectaires — Межведомственная миссия по наблюдению и борьбе с сектантскими отклонениями).

Название изменилось. Суть осталась прежней.

MIVILUDES, после короткого периода адаптации, возобновила ту же деятельность, что и MILS. И, что самое главное, сохранила те же финансовые потоки. UNADFI и CCMM продолжили получать миллионные гранты от нового государственного органа.

Ликвидация MILS оказалась лишь бюрократическим маневром, отвлекающим маневром, позволившим сохранить систему в неприкосновенности. Избавились от одиозного Вивьена, сменили вывеску, но сам механизм перекачивания государственных денег в частные структуры остался нетронутым.

Внимание привлек еще один факт, зафиксированный в документах. В 1998 году, когда Вивьен возглавил MILS, он передал пост президента CCMM своей жене. Семейный подряд на государственном финансировании.

Вся эта история с MILS, Вивьеном, CCMM и UNADFI на первый взгляд казалась сугубо внутренним французским делом. Классическая схема распила бюджета под благовидным предлогом. Но документы указывали на нечто большее.

Франция в конце девяностых оказалась в изоляции. Ее политика «агрессивного лаицизма» (светскости) и жесткие антикультовые меры подвергались суровой критике со стороны международного сообщества, включая Госдепартамент США. Французскую модель считали нетерпимой и нарушающей свободу вероисповедания.

Чтобы выйти из изоляции и легитимизировать свои действия, французским чиновникам нужно было экспортировать свою модель в другие страны. Им нужно было создать видимость международного консенсуса.

Именно для этой цели и была создана FECRIS — Европейская федерация центров исследования и информации о сектантстве.

Документ о регистрации FECRIS, датированный 1994 годом, лежал поверх других бумаг. Место регистрации: Париж. Учредители: CCMM и UNADFI.

Те самые организации, которые существовали на 98% за счет французских налогоплательщиков. Те самые организации, которые были вовлечены в финансовые скандалы Вивьена.

FECRIS позиционировалась как объединение независимых ассоциаций из разных стран Европы. Но на деле это была структура, созданная и контролируемая французским правительством через свои прокси-организации (CCMM и UNADFI).

Схема финансирования FECRIS, составленная самой организацией за период с 2003 по 2008 год, подтверждала это со стопроцентной ясностью. FECRIS получала гранты из года в год только от французского правительства и ни от одного другого государства. Членские взносы составляли мизерную часть бюджета.

Дополнительные средства для деятельности FECRIS поступали через UNADFI и CCMM, которые, как уже было установлено, финансировались тем же французским правительством.

Круг замкнулся во второй раз, но теперь уже на международном уровне.

Французское правительство финансировало MIVILUDES. MIVILUDES финансировала CCMM и UNADFI. CCMM и UNADFI создали и финансировали FECRIS. А FECRIS, выступая от имени всей Европы, лоббировала антикультовые законы и распространяла французскую модель борьбы с сектами.

Иллюзия независимости была создана мастерски. Снаружи — авторитетная международная правозащитная федерация. Внутри — финансовая пуповина, намертво привязанная к бюджету Франции.

В тишине читального зала архитектоника этой системы предстала во всей своей циничной простоте. Ален Вивьен не просто лоббировал интересы своей организации. Он спроектировал механизм, который позволил государству скрыто финансировать репрессивную политику, прикрываясь вывеской независимых НКО.

Этот механизм оказался настолько надежным, что пережил финансовые скандалы, отставку своего создателя и смену названий государственных органов. Он адаптировался и вышел на международный уровень, превратившись в инструмент влияния в масштабах всей Европы.

Но оставался один вопрос. Вопрос, на который не было ответа в финансовых отчетах и правительственных постановлениях.

Если FECRIS — это французский проект, финансируемый французскими деньгами, то как эта организация смогла получить статус при Совете Европы? Совете Европы, чьи правила прямо запрещают аккредитацию НКО, полностью зависящих от государственного финансирования.

Свет в читальном зале начал тускнеть. Библиотека готовилась к закрытию. Бумаги на столе, свидетели коррупции и бюрократических махинаций, хранили молчание. Ответ на этот вопрос нужно было искать не в Париже. Ответ находился в Страсбурге. В коридорах власти, где правила пишутся для того, чтобы их нарушать.

Но прежде чем покинуть зал, взгляд задержался на еще одном документе. Письмо, датированное 2011 годом. Отправитель: Мирей Деген, генеральный секретарь FECRIS. Адресаты: итальянские ассоциации, входящие в федерацию (FAVIS, CeSAP, ARIS Toscana, ARIS Veneto).

В письме Деген обсуждала вопросы финансирования и координации действий по случаю конференции FECRIS в Варшаве.

Итальянские ассоциации. Крошечные группы, не имеющие ни реального влияния, ни серьезной общественной поддержки в своей стране. Но благодаря французским деньгам, поступающим через FECRIS, они получали возможность участвовать в «международных» конференциях и создавать видимость массового движения.

Система, спроектированная Вивьеном, работала не только на макроуровне, создавая международные федерации. Она работала и на микроуровне, подпитывая мелкие группы в разных странах, превращая их в своих агентов влияния.

И эта сеть, эта паутина, сплетенная из государственных дотаций и политических амбиций, продолжала разрастаться.

Сбор документов в папку занял несколько минут. Ксерокопии легли одна на другую, скрывая под собой столбцы цифр и фамилии чиновников.

Архитектор этой системы, Ален Вивьен, давно ушел в отставку. Но его творение продолжало жить. Оно трансформировалось, меняло названия, но сохраняло свою суть — механизм скрытого перераспределения государственных средств для подавления инакомыслия и формирования нужной идеологической повестки.

Иллюзия независимости была лишь фасадом. За ним скрывалась жесткая вертикаль власти, опирающаяся на бюджетные миллионы.

Шаги гулко отдавались в пустых коридорах библиотеки. Париж за стенами жил своей жизнью, не подозревая о том, какие механизмы управления сознанием были запущены в его кабинетах десятилетия назад.

Расследование только начиналось. Парижские архивы раскрыли финансовую изнанку системы. Но впереди были Страсбург, Женева, Стокгольм. Впереди были судебные приговоры, сломанные судьбы и технологии дегуманизации, которые эта система применяла на практике.

Первый слой иллюзии был снят. Но за ним скрывались новые, еще более мрачные тайны. И чтобы добраться до истины, нужно было идти дальше, по следу денег и политического влияния, туда, где правозащитная риторика сталкивалась с суровой реальностью уголовных преступлений.

Завтрашний день обещал быть долгим. Поиск официальных разъяснений от еврочиновников в Страсбурге — задача не из легких. Бюрократия умеет хранить свои секреты. Но цифры в парижских отчетах были слишком красноречивы, чтобы их можно было проигнорировать.

Противоречие между уставом Совета Европы и реальным статусом FECRIS требовало объяснений. И эти объяснения должны были быть найдены.

Двери библиотеки закрылись, отсекая тишину архивов от шума вечернего города. Воздух Парижа был прохладным и свежим. Но в мыслях по-прежнему стоял запах документов, раскрывающих структуру одной очень большой лжи.

Лжи, которая стоила миллионы евро и которая продолжала отравлять умы людей по всей Европе. Лжи, архитектором которой был человек, прикрывавшийся заботой о правах человека.

Но теперь эта ложь была задокументирована. И это был только первый шаг на пути к ее полному разоблачению.

В папке под мышкой лежали не просто ксерокопии. Там лежало доказательство того, что международная антикультовая сеть — это не спонтанное объединение обеспокоенных граждан, а тщательно спланированный государственный проект. Проект, который с самого начала базировался на коррупции и обмане.

И этот факт менял всё. Он переводил дискуссию из плоскости религии и идеологии в плоскость финансов и права. А в этой плоскости действуют другие законы. Законы логики, доказательств и неотвратимости наказания.

Оставалось только собрать все доказательства воедино и предъявить их миру. Шаг за шагом. Документ за документом. Пока иллюзия независимости не рассеется окончательно, обнажив истинное лицо системы.

Глава 2. Казус Совета Европы

Стеклянный фасад Европейского суда по правам человека в Страсбурге отражал свинцовое небо. Здание, спроектированное Ричардом Роджерсом, задумывалось как символ прозрачности правосудия — две стальные башни-весы, огромные витражи, отсутствие глухих стен в публичных зонах. Однако прозрачность архитектуры редко коррелирует с прозрачностью

бюрократических процедур. Внутри, за стеклом и бетоном, функционировал сложный, многоуровневый механизм, где каждая шестеренка вращалась по строго прописанному регламенту.

Путь от парижских архивов, где вскрылась финансовая подноготная FECRIS, до кабинетов Совета Европы был неизбежен. Если французское правительство десятилетиями содержало антикультовую сеть, маскируя ее под независимую структуру, то как эта сеть смогла легализоваться на международном уровне? Получение статуса неправительственной организации (НКО) при Совете Европы — это не формальность. Это знак качества, пропуск в кулуары европейской политики, возможность влиять на резолюции и формировать повестку дня для сорока шести государств-членов.

В кафетерии Дворца Европы, расположенном в нескольких минутах ходьбы от здания суда, пахло крепким эспрессо и свежей выпечкой. За соседними столиками приглушенно переговаривались дипломаты, переводчики и клерки. На столе, рядом с чашкой кофе, лежал распечатанный документ — Резолюция Совета Европы (2003)8. Это был базовый текст, регулирующий статус участия международных неправительственных организаций в Совете Европы.

Текст документа не допускал двойных толкований. Статья 2 резолюции содержала императивное условие: статус НКО может быть предоставлен только тем организациям, которые «являются репрезентативными в области своей компетенции» и «не находятся под управлением государственных органов». Более того, внутренние инструкции Совета Европы прямо указывали на необходимость финансовой независимости. Организация, чей бюджет критически зависит от одного правительства, по определению не может считаться неправительственной.

Рядом с резолюцией лежала копия заявки FECRIS на получение статуса участника, датированная 2005 годом. Документ был составлен по всем правилам бюрократического искусства. В графе «цели и задачи» значились защита прав человека, помощь жертвам сектантских злоупотреблений и информирование общественности. В графе «структура» перечислялись десятки ассоциаций из разных стран Европы. На бумаге FECRIS выглядела как мощное, разветвленное движение гражданского общества.

Но цифры из парижских аудитов, изученных ранее, говорили об обратном. 99% финансирования от французских министерств. Отсутствие частных пожертвований. Фиктивные членские взносы.

Возникал парадокс. Либо чиновники Совета Европы, рассматривавшие заявку FECRIS в 2005 году, проявили вопиющую некомпетентность и не проверили финансовые источники кандидата, либо они сознательно закрыли глаза на прямое нарушение собственного регламента.

Попытка прояснить ситуацию через официальные каналы напоминала движение по лабиринту с прозрачными, но непробиваемыми стенами. Запрос в пресс-службу Совета Европы с просьбой разъяснить процедуру проверки финансовой независимости НКО привел к стандартному ответу: «Все организации, получающие статус участника, проходят строгую проверку на соответствие критериям, изложенным в Резолюции (2003)8».

На уточняющий вопрос о том, как именно проверялась заявка FECRIS, учитывая ее стопроцентную зависимость от французского бюджета, последовала пауза длиной в три недели. Затем пришел ответ от департамента по связям с гражданским обществом: «Совет Европы не комментирует детали процесса аккредитации отдельных организаций. Статус участника регулярно пересматривается».

Бюрократическая машина работала безупречно, генерируя вежливые отказы и обтекаемые формулировки. Никаких конкретных ответов. Никаких ссылок на исключающие резолюции или специальные протоколы, которые могли бы объяснить этот казус.

Отсутствие информации часто бывает красноречивее самой информации. Если бы у Совета Европы было законное обоснование для аккредитации FECRIS, оно было бы предоставлено. Секретность в данном случае указывала на уязвимость позиции.

Чтобы понять, как функционирует эта иллюзия на практике, необходимо было взглянуть на структуру FECRIS не сверху, из кабинетов Совета Европы, а снизу, с уровня ее операционных узлов. В заявке 2005 года, помимо парижской штаб-квартиры, фигурировали представительства в других странах. Брюссель, Вена, Женева. География внушала уважение.

Брюссельский офис FECRIS располагался по адресу, указанному в официальных справочниках. Это был не деловой квартал и не район европейских институций. Обычная жилая улица в коммуне Схарбек. Дом ничем не выделялся среди соседних зданий — кирпичный фасад, узкие окна, небольшая лестница, ведущая к входной двери.

На панели домофона не было таблички с надписью «FECRIS». Вместо этого там значилась фамилия: «Defagne» (Деген).

Мирей Деген — генеральный секретарь FECRIS. Та самая женщина, чье письмо итальянским ассоциациям было найдено в парижских архивах. Та самая, что координировала распределение французских грантов для создания видимости международной активности.

Брюссельский «офис» международной правозащитной федерации, аккредитованной при Совете Европы, оказался гостиной в частной квартире ее генерального секретаря.

Этот факт не был случайностью или временным неудобством. Это была системная характеристика. Проверка других юридических адресов, указанных в документах FECRIS, давала аналогичные результаты.

Венское отделение, возглавляемое Фридрихом Гриссом (дважды занимавшим пост президента FECRIS), было зарегистрировано по адресу его частной резиденции. Швейцарский филиал (SADK) также базировался в квартирах своих основателей.

Масштаб декларации катастрофически не совпадал с реальностью. Международная сеть, заявляющая о представительстве интересов гражданского общества в тридцати странах, на поверку оказалась цепочкой частных почтовых ящиков. У них не было реальных офисов, штата сотрудников, независимого бюджета. Вся их инфраструктура держалась на энтузиазме нескольких десятков активистов и стабильных финансовых вливаниях из Парижа.

Контраст между статусом при Совете Европы и фактическим положением дел был разительным. Организация, заседающая в комитетах Страсбурга и влияющая на европейское законодательство, не имела даже собственной таблички на двери в Брюсселе.

Эта структура не могла возникнуть спонтанно. Для того чтобы провести такую организацию через жесткие фильтры Совета Европы, требовалось серьезное политическое лоббирование. Кто-то должен был поручиться за FECRIS, гарантировать ее благонадежность и закрыть глаза на финансовую зависимость и отсутствие реальной инфраструктуры.

Ответ напрашивался сам собой. Франция, будучи одной из стран-основательниц Совета Европы и одним из главных доноров его бюджета, обладала достаточным политическим весом, чтобы продавить нужное решение.

FECRIS была нужна французскому правительству не только для того, чтобы легитимизировать свою внутреннюю антикультовую политику, но и для того, чтобы экспортировать ее на европейский уровень. Статус НКО при Совете Европы давал FECRIS трибуну, с которой она могла вещать от имени «всего европейского гражданского общества».

Это был классический пример создания «astroturfing» — искусственного общественного движения, финансируемого государством или корпорацией для продвижения своих интересов под видом низовой инициативы.

В архивах Совета Европы удалось обнаружить несколько документов, проливающих свет на то, как FECRIS использовала свой статус. Это были отчеты о заседаниях комитетов, проекты резолюций, меморандумы.

Везде, где обсуждались вопросы свободы вероисповедания, прав меньшинств или новых религиозных движений, появлялись представители FECRIS. Они выступали в роли экспертов, предоставляли «аналитические» доклады, лоббировали жесткие ограничительные меры.

Их риторика всегда была одинаковой: культы — это абсолютное зло, они разрушают семьи, манипулируют сознанием, угрожают национальной безопасности. Единственный способ борьбы с ними — это жесткий государственный контроль, запреты и репрессии.

Никаких полутонов. Никакого диалога. Только язык вражды и стигматизации.

И эта риторика, благодаря статусу FECRIS, постепенно проникала в официальные документы Совета Европы. Термины «деструктивный культ» и

«сектантское отклонение», изначально придуманные французскими чиновниками, становились частью европейского политического лексикона.

Иллюзия работала. Государственный проект, замаскированный под правозащитную сеть, успешно формировал европейскую повестку дня.

Но у этой системы была одна уязвимая точка. Фасад правозащитной организации неизбежно вступает в противоречие с методами, которые эта организация использует на практике.

Если FECRIS действительно защищает права человека, то почему ее деятельность вызывает столько протестов со стороны международных правозащитных организаций? Почему Государственный департамент США регулярно критикует Францию и ее антикультовые структуры за нарушение свободы вероисповедания?

В документах, собранных в ходе расследования, начали появляться тревожные сигналы. Упоминания о судебных исках, обвинениях в клевете, скандалах, связанных с незаконным лишением свободы.

В докладе итальянского социолога Массимо Интровинье, посвященном деятельности FECRIS, приводились факты сотрудничества этой организации с репрессивными режимами. Интровинье указывал на поддержку, которую FECRIS оказывает китайским властям в преследовании движения Фалуньгун, а также на тесные связи с российскими антикультистами, лоббирующими жесткие законы против религиозных меньшинств.

Правозащитная организация, поддерживающая репрессии и сотрудничающая с авторитарными режимами? Это противоречие требовало детального изучения.

Возвращение в Страсбург, в библиотеку Дворца Европы, было необходимо для поиска ответов. Архивы Совета Европы хранили не только официальные резолюции, но и стенограммы заседаний, отчеты независимых экспертов, жалобы от общественных организаций.

Среди массива документов удалось обнаружить материалы конференции ОБСЕ (Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе), посвященной проблемам нетерпимости и дискриминации. Конференция проходила в Кордове

в 2005 году — в том самом году, когда FECRIS получила статус при Совете Европы.

В итоговом докладе конференции содержался раздел, посвященный деятельности антикультовых организаций. И в этом разделе фигурировал список судебных решений, вынесенных в отношении групп и представителей FECRIS.

Список был впечатляющим. Он занимал несколько страниц и охватывал разные страны Европы: Австрию, Германию, Швейцарию, Швецию, Испанию, Великобританию.

Имена и названия организаций, которые еще недавно фигурировали в заявке FECRIS как столпы европейского гражданского общества, теперь представали в совершенно ином свете.

Фридрих Грисс, генеральный секретарь и дважды президент FECRIS. Венский коммерческий суд, 1996, 1997, 1998, 2000 годы. Окружной суд Штутгарта, 1998 год. Пять обвинительных приговоров за клевету. Человек, представляющий FECRIS на международном уровне, систематически распространял ложную информацию и был признан виновным судами двух европейских стран.

Шведская ассоциация FRI, член FECRIS. Дело 1990 года. Представитель организации Ева Пэрссон осуждена за незаконное лишение свободы и похищение человека.

Британская группа FAIR, член FECRIS. Сирил Воспер, член исполнительного совета, осужден в Германии в 1987 году за незаконное лишение свободы и нанесение телесных повреждений.

Испанская ассоциация AIS, член FECRIS. Дело Канальса, 1995 год. Суд установил, что группа нарушила фундаментальные права обвиняемого. Дело Риера Блуме, 1999 год. Европейский суд по правам человека постановил, что лишение свободы произошло с попустительства властей Каталонии.

Швейцарская группа SADK, член FECRIS. Публичная поддержка практики депрограммирования — насильственного удержания человека с целью изменения его убеждений, зачастую с применением физической силы и спецсредств (включая слезоточивый газ).

Французская ассоциация UNADFI, учредитель FECRIS. Жанин Тавернье, президент организации. Парижский апелляционный суд, 2003 год. Обвинительный приговор.

Немецкие группы AGPF и Sect-Info Essen, члены FECRIS. Решение Федерального верховного суда Германии, 1992 год: государственное финансирование таких организаций является неконституционным. Хайде-Мари Камманс, основательница Sect-Info Essen, осуждена Мюнхенским государственным судом в 2001 году за распространение ложных сведений.

Канадская группа CIC, член FECRIS. Ян Хоуворт, основатель, осужден Верховным судом Онтарио в 1989 году за клевету.

Документ ОБСЕ лежал на столе библиотеки, разрушая последние остатки иллюзии.

FECRIS не была правозащитной организацией. Это была сеть структур, чьи лидеры и активисты систематически нарушали закон. Клевета, похищения людей, незаконное лишение свободы, нанесение телесных повреждений — вот реальный послужной список этой «неправительственной организации».

И эти люди, имеющие за плечами уголовные приговоры, были аккредитованы при Совете Европы. Они заседали в комитетах, консультировали чиновников, влияли на принятие резолюций, касающихся прав человека.

Казус Совета Европы оказался не просто бюрократической ошибкой или результатом политического лоббирования. Это был системный сбой, продемонстрировавший полную неспособность европейских институций фильтровать организации, претендующие на статус защитников гражданского общества.

Совет Европы, созданный для защиты прав человека и верховенства закона, предоставил трибуну структуре, чьи члены систематически эти права нарушали.

Как такое могло произойти? Почему чиновники в Страсбурге проигнорировали не только финансовую зависимость FECRIS от французского правительства, но и криминальный шлейф, тянущийся за ее ключевыми фигурами?

Ответ кроется в механизмах политической целесообразности. Франция, продвигая свой антикультовый проект на европейский уровень, обеспечила ему политическую крышу. А бюрократическая машина Совета Европы, столкнувшись с давлением со стороны влиятельного государства-члена, предпочла закрыть глаза на формальные нарушения и криминальное прошлое кандидатов.

Иллюзия независимости была подкреплена иллюзией респектабельности.

Но факты, зафиксированные в судебных приговорах и документах ОБСЕ, невозможно было стереть. Они свидетельствовали о том, что методы, применяемые антикультовыми организациями, не имеют ничего общего с защитой прав человека. Это методы террора, запугивания и насилия.

И эти методы были легитимизированы на самом высоком европейском уровне.

Выход из библиотеки Дворца Европы сопровождался ощущением тяжести. Свинцовое небо над Страсбургом казалось еще более низким. Здание Европейского суда по правам человека по-прежнему отражало свет, но теперь этот свет казался холодным и равнодушным.

Расследование вышло на новый уровень. Финансовые махинации в Париже и бюрократические игры в Страсбурге были лишь прелюдией. Настоящая суть системы раскрывалась не в бухгалтерских отчетах и не в резолюциях Совета Европы. Она раскрывалась в залах судебных заседаний, где жертвы антикультового террора пытались добиться справедливости.

Следующий шаг был очевиден. Необходимо было детально изучить судебную практику в отношении ключевых фигур FECRIS. Проанализировать приговоры, вынесенные в Швейцарии, Швеции, Германии, Австрии. Понять, как именно функционирует механизм дегуманизации и насилия, скрывающийся за правозащитным фасадом.

Документы ОБСЕ дали лишь краткий перечень преступлений. За каждым пунктом в этом списке стояли реальные люди, сломанные судьбы, разрушенные репутации. И эти истории требовали детального рассмотрения.

Папка с документами стала еще толще. К финансовым отчетам и регламентам добавились копии судебных решений и доклады международных

организаций. Пазл становился все более мрачным, но его контуры вырисовывались все отчетливее.

Иллюзия независимости рухнула. На ее месте возникла архитектура системы, построенной на лжи, коррупции и насилии. Системы, которая научилась использовать демократические институты для достижения антидемократических целей.

И эта система продолжала функционировать, расширяя свое влияние и экспортируя свои методы в другие страны. В том числе и в Россию, где антикультовая модель нашла самую благодатную почву и приобрела еще более уродливые формы.

Но об этом позже. Сейчас необходимо было сосредоточиться на Европе. На тех людях, которые, прикрываясь мандатом Совета Европы, совершали уголовные преступления и оставались безнаказанными.

Вечерний Страсбург зажигал огни. Город, символизирующий европейское единство и верховенство права, готовился ко сну. Но для расследования день только начинался. Впереди были сотни страниц судебных протоколов, показания свидетелей, заключения экспертов. Впереди было погружение в ту темную сторону антикультового движения, которую оно так тщательно пыталось скрыть за стеклянными фасадами европейских институций.

Глава 3. Правозащитники на скамье подсудимых

Стук дождевых капель по стеклу задавал монотонный ритм. Капли сливались в тонкие ручейки, искажая очертания уличных фонарей за окном и превращая город в размытую акварель. На столе, под светом настольной лампы, лежали документы, которые не имели ничего общего с акварельной мягкостью. Судебные протоколы, постановления, выдержки из приговоров. Сухой,

безжалостный язык юриспруденции, фиксирующий факты, от которых становилось не по себе.

Иллюзия респектабельности, тщательно выстраиваемая в кабинетах Страсбурга и Парижа, рассыпалась здесь, на страницах уголовных дел. Если финансовые отчеты показывали коррупционную изнанку системы, то судебные архивы обнажали ее истинную, жестокую природу. Правозащитный фасад скрывал за собой практику, которая по любым международным стандартам квалифицировалась как уголовное преступление.

В центре стола лежала копия постановления Венского коммерческого суда. Сентябрь 1996 года. Дело номер GZ 8E 3407/00 w. Имя ответчика — Фридрих Грисс. Тот самый человек, который дважды занимал пост президента FECRIS и долгие годы был ее генеральным секретарем. Лицо европейского антикультового движения.

Текст судебного решения был предельно конкретен. Грисс признавался виновным в клевете на несколько религиозных организаций, включая «Christian Family Fellowship» и «Life Fellowship», известные также как Норвежское движение. Суд установил, что Грисс публично и бездоказательно обвинял эти группы в вовлечении людей через «flirty fishing» (практику использования сексуальной привлекательности для вербовки), инцесте, прелюбодеянии и мошенничестве.

За этими обвинениями не стояло никаких фактов. Только целенаправленная кампания по дискредитации, построенная на лжи и манипуляциях. Суд обязал Грисса опубликовать опровержение на своей веб-странице и установить ссылку на сайт Норвежского движения.

Но Грисс проигнорировал решение суда.

Следующий документ в стопке — постановление того же Венского коммерческого суда, датированное мартом 1997 года. Снова обвинительный приговор по делу о клевете в отношении тех же организаций. Грисс продолжал свою кампанию, несмотря на юридический запрет.

Затем последовало дело об административном правонарушении. Окружной суд Клостернойбурга. Нарушение мирового соглашения. Грисс не уплатил назначенный штраф и отказался удалить ложную информацию из

интернета. Суд вынес приказ о принудительном взыскании. Дело номер GZ 8F 2687/02 s-3. Снова нарушение мирового соглашения, снова приказ уплатить штраф.

Семь обвинительных актов. Семь судебных решений, подтверждающих, что генеральный секретарь международной правозащитной федерации систематически и злонамеренно распространял клевету, игнорируя постановления судов.

Это не было случайной ошибкой или эмоциональным высказыванием. Это была осознанная стратегия. Стратегия демонизации оппонентов с использованием любых, даже незаконных методов. И эта стратегия реализовывалась человеком, который представлял FECRIS на международных форумах и консультировал европейских чиновников.

Взгляд переместился на следующий документ. Он касался швейцарского филиала FECRIS — организации SADK (Schweizerische Arbeitsgemeinschaft gegen destruktive Kulte). Год 1990.

Материалы уголовного дела описывали события, которые больше напоминали сценарий криминального триллера, чем деятельность общественной организации. Двое членов SADK были привлечены к суду за попытку похищения человека. Их целью был последователь движения Харе Кришна.

Метод, который они использовали, в антикультовой среде назывался «депрограммированием». Суть его заключалась в насильственном захвате человека, изоляции его от внешнего мира и психологическом (а зачастую и физическом) давлении с целью заставить отказаться от своих убеждений.

В данном случае «депрограммисты» из SADK пошли еще дальше. При попытке захвата они применили слезоточивый газ.

Суд приговорил обоих к тюремному заключению. Но самое поразительное в этой истории заключалось не в самом преступлении, а в реакции на него руководства организации.

В материалах дела была подшита газетная вырезка с интервью Мартина Росси, который на тот момент занимал пост пресс-секретаря SADK.

Комментируя приговор своим коллегам, Росси заявил: «Мы поддерживаем и одобряем этот поступок».

Официальный представитель организации, входящей в европейскую правозащитную сеть, публично одобрил похищение человека с применением спецсредств.

Это заявление перечеркивало любые попытки представить инцидент как эксцесс исполнителя. Насилие и нарушение фундаментальных прав человека были не просто допустимы в среде FECRIS, они были частью идеологии, одобряемой на уровне руководства.

Рядом с швейцарским делом лежали документы из Швеции. Тот же 1990 год. Дело Евы Пэрссон, представителя шведской ассоциации FRI, также являющейся членом FECRIS.

Обвинение — незаконное лишение свободы. Суд установил, что Пэрссон принимала участие в насильственном удержании совершеннолетнего человека против его воли. Цель все та же — «депрограммирование». Приговор — обвинительный.

География преступлений расширялась. Австрия, Швейцария, Швеция. И везде один и тот же паттерн: клевета, похищения, насилие.

Но, пожалуй, самым показательным было дело испанской ассоциации AIS (Asesoramiento e Información sobre Sectas), еще одного полноправного члена FECRIS.

Документ, лежащий на столе, представлял собой постановление Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) от 1999 года. Дело «Риера Блуме и другие против Испании» (жалоба № 37680/97).

Фабула дела была следующей. В 1984 году испанская полиция, действуя по наводке ассоциации Pro Juventud (которая позже трансформировалась в AIS), провела рейд в центре медитации, принадлежащем группе CEIS. Несколько членов группы были задержаны.

После допроса полиция не отпустила задержанных, а передала их представителям Pro Juventud. Те, в свою очередь, вывезли людей в отель в

Каталонии, где удерживали их силой в течение нескольких дней, подвергая интенсивному психологическому давлению — «депрограммированию».

ЕСПЧ, рассмотрев обстоятельства дела, пришел к однозначному выводу. Суд постановил, что имело место нарушение статьи 5 Европейской конвенции по правам человека — право на свободу и личную неприкосновенность.

В постановлении особо подчеркивалось, что лишение свободы произошло с ведома и при попустительстве властей Каталонии, которые передали граждан в руки частной организации. ЕСПЧ признал ответственность государства за действия антикультовой группы.

Это был беспрецедентный случай. Высшая судебная инстанция Европы официально зафиксировала, что организация, входящая в сеть FECRIS, виновна в грубейшем нарушении фундаментальных прав человека, причем действовала она в сговоре с государственными структурами.

Контраст между декларациями и реальностью достигал абсурда. Организация, заявляющая о своей миссии защищать людей от «сектантских злоупотреблений», сама практиковала похищения, незаконное лишение свободы и психологическое насилие.

И это были не единичные случаи. Это была система.

Для верификации собранных данных необходимо было обратиться к независимому источнику, сводящему воедино все эти разрозненные эпизоды. Таким источником стал итоговый доклад конференции ОБСЕ (Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе), посвященной проблемам нетерпимости и дискриминации.

Конференция проходила в испанском городе Кордова 8 и 9 июня 2005 года. Дата имела особое значение. Именно в 2005 году FECRIS получила статус участника при Совете Европы.

В докладе ОБСЕ содержался специальный раздел, в котором был приведен список случаев осуждения членов FECRIS. Этот список, сухой и протокольный, представлял собой обвинительный акт всей системе.

В нем фигурировал Фридрих Грисс с его приговорами за клевету.

Там упоминалась швейцарская SADK и дело о применении слезоточивого газа.

Там была Ева Пэрссон из шведской FRI.

Там было дело испанской AIS и постановление ЕСПЧ.

Но список этим не ограничивался. В нем появились новые имена и новые страны.

Франция. Организация UNADFI — один из двух учредителей FECRIS и главный получатель государственных субсидий. 5 февраля 2003 года Парижский апелляционный суд подтвердил обвинительный приговор за клевету в отношении Жанин Тавернье, президента UNADFI.

Еще одна французская группа — ADFI Nord. 15 января 1997 года суд города Дуэ осудил ее президента, Овиньёр-Девинтер, за клевету.

Жаки Кордонье, член UNADFI. 29 марта 2002 года осужден Марсельским окружным судом за клевету.

Германия. Группа Sect-Info Essen, член FECRIS. В 2001 году Мюнхенский государственный суд осудил основательницу группы Хайде-Мари Камманс за распространение ложных сведений.

Великобритания. Группа FAIR, член FECRIS. Сирил Воспер, член исполнительного совета, был осужден в Германии в 1987 году за незаконное лишение свободы и нанесение телесных повреждений.

Канада. Группа CIC, член FECRIS. Ян Хоуворт, основатель, осужден Верховным судом Онтарио в 1989 году за клевету.

Документ ОБСЕ лежал поверх остальных бумаг, словно подводя черту под расследованием.

Это была не просто серия независимых инцидентов. Это была хроника систематической криминальной деятельности, осуществляемой под прикрытием правозащитной риторики.

Организации, входящие в FECRIS, использовали клевету как основной инструмент дискредитации оппонентов. Когда клеветы оказывалось

недостаточно, они переходили к физическому насилию: похищениям, незаконному удержанию, применению спецсредств.

И эти люди, эти организации, имеющие за плечами десятки уголовных приговоров, были признаны Советом Европы как легитимные представители гражданского общества. Они получали государственное финансирование во Франции, они консультировали правительственные структуры, они формировали общественное мнение.

Система, спроектированная Аленом Вивьеном, оказалась не просто коррумпированной. Она оказалась криминальной по своей сути.

Механизм, созданный для подавления инакомыслия, не мог функционировать в рамках закона. Для достижения своих целей — маргинализации и уничтожения неугодных групп — антикультовой сети требовались методы, выходящие за рамки правового поля.

И они эти методы использовали, прикрываясь статусом борцов за права человека.

В тишине комнаты, нарушаемой лишь шумом дождя, выводы формулировались с математической точностью.

Тезис первый: FECRIS не является правозащитной организацией. Вся ее деятельность направлена на ограничение свободы вероисповедания и подавление религиозных меньшинств.

Тезис второй: руководство и ключевые активисты FECRIS систематически совершают уголовные преступления, включая клевету, незаконное лишение свободы и применение насилия.

Тезис третий: статус НКО при Совете Европы был получен FECRIS незаконно, в обход существующих правил, что свидетельствует о мощном политическом лоббировании со стороны Франции.

Тезис четвертый: государственное финансирование антикультовых структур (в частности, во Франции) фактически является финансированием криминальной деятельности, направленной против собственных граждан.

Иллюзия была разрушена полностью. Маска сорвана.

Но оставался один важный аспект, который требовал прояснения. Как эта криминальная сеть реагировала на судебные преследования? Меняла ли она свою тактику после вынесения обвинительных приговоров?

Ответ содержался в документах, касающихся итальянского филиала FECRIS — организации ARIS Toscana.

В материалах расследования обнаружилось упоминание об инциденте, произошедшем в Италии. Журналист Дэвид Мурджиа, ведущий программы «Vade Retro» на телеканале TV 2000, обратился в ARIS Toscana с просьбой предоставить конкретные «кейсы» жертв сект для своей передачи.

ARIS Toscana, которая публично заявляла о том, что получает «сотни сообщений от жертв», не смогла предоставить ни одного реального случая. Ни одного задокументированного факта, который можно было бы проверить и показать в эфире.

Этот эпизод демонстрировал еще одну грань антикультовой технологии. Вся их риторика строилась на виртуальной угрозе. Они создавали информационный шум, фабриковали алармистские истории, но когда дело доходило до конкретных доказательств, их просто не существовало.

А когда кто-то пытался разоблачить эту ложь, антикультисты включали механизм подавления инакомыслия внутри собственного лагеря.

В документах описывалась история доктора Рафаэллы Ди Марцио, итальянского исследователя, которая долгое время сотрудничала с антикультовыми группами (в частности, с GRIS). Однако со временем она осознала, что их методы не имеют ничего общего с наукой. Она увидела, что их цель — демонизация новых религиозных движений и фабрикация сенсаций для СМИ.

Когда Ди Марцио попыталась дистанцироваться от этих методов и занять объективную позицию, она сама стала мишенью. Члены антикультовой группы CeSAP (еще один итальянский филиал) выдвинули против нее обвинения. Дело дошло до суда в Бари.

В марте 2011 года суд полностью оправдал Ди Марцио, признав обвинения безосновательными.

Но антикультисты не успокоились. Через несколько дней после оправдательного приговора представитель CeSAP доктор Тинелли «конфиденциально сообщила» своим коллегам по «Forum Anti-Sette» (итальянской антикультовой сети), что Ди Марцио вызвана в Ассоциацию психологов Лацио для дачи показаний.

Это была классическая тактика травли. Использование административного ресурса, доносы, попытки разрушить профессиональную репутацию человека, который осмелился пойти против системы.

Система не терпела инакомыслия даже в своих рядах. Любой, кто пытался говорить правду, объявлялся врагом и подвергался преследованию.

Дождь за окном начал стихать. Капли на стекле стали редкими, оставляя после себя мутные разводы.

Анализ европейского этапа расследования был завершен. Архитектура системы, созданной во Франции и легитимизированной в Страсбурге, была изучена досконально. Финансовые потоки, бюрократические махинации, уголовные преступления — все элементы сложились в единую картину.

Но эта картина была бы неполной без понимания того, как эта система экспортировалась в другие страны. Как она адаптировалась к новым условиям и какие формы принимала на почве, где демократические институты были слабы, а государственная машина традиционно тяготела к тоталитарным методам управления.

Европейская модель, со всеми ее пороками и криминальными наклонностями, была лишь прототипом. Настоящий масштаб эта система приобрела там, где она смогла полностью слиться с государственным аппаратом и стать официальной идеологией.

Взгляд упал на последнюю папку, лежащую на краю стола. На ней не было логотипов Совета Европы или французских министерств. На ней было написано одно слово: «Россия».

Там, в начале девяностых, на руинах советской империи, европейская антикультовая модель нашла идеальную питательную среду. Там она трансформировалась из маргинальной группы, промышляющей похищениями

и клеветой, в мощный государственный инструмент, способный инициировать масштабные репрессии и запрещать целые религиозные конфессии.

Но это была уже другая история. История о том, как ученики превзошли своих учителей. История о том, как псевдонаучная экспертиза стала легальным оружием, а язык вражды — нормой государственного общения.

Папка с европейскими документами была закрыта. Факты зафиксированы. Прецеденты систематизированы.

Впереди ждало погружение в российскую специфику. В мир, где термины «деструктивный культ» и «тоталитарная секта» приобрели силу закона, а люди, их придумавшие, получили неограниченную власть над судьбами миллионов.

Настольная лампа выхватывала из полумрака корешок новой папки. Начинался следующий этап работы. Этап, который должен был показать, как иллюзия независимости окончательно превратилась в архитектуру тотального контроля.

Глава 4. Российский импорт

Влажный ветер с Невы, казалось, проникал сквозь плотно закрытые окна Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Зал периодики, отделанный темным деревом, хранил запах старых газет и микрофильмов — запах времени, застывшего в печатных строках. На широком столе, освещенном зеленым светом настольной лампы, лежали подшивки газет начала девяностых годов. Период распада империи, время хаоса и надежд, когда старые идеологические конструкции рухнули, а новые еще не успели сформироваться.

В 1990 году был принят закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях». Документ, ставший беспрецедентным прорывом для страны, где десятилетиями господствовал государственный атеизм. Закон открыл двери для множества новых религиозных движений, миссионеров и проповедников со всего мира. Возник вакуум, который стремительно заполнялся.

Но свобода — это всегда вызов для тех, кто привык к контролю.

Среди газетных вырезок 1992 года выделялась небольшая заметка о возвращении в Россию Александра Дворкина. Эмигрант, покинувший СССР в конце семидесятых, он провел более десяти лет в США, где получил образование и, по его собственным словам, работал журналистом. Возвращение в Москву совпало с периодом бурного религиозного возрождения.

Дворкин не стал интегрироваться в светскую академическую среду. Его путь лежал в структуры Московской Патриархии.

На столе лежал распечатанный фрагмент автобиографической книги Дворкина «Учителя и уроки: воспоминания, рассказы, размышления». Текст описывал события 1993 года. Внимание привлек абзац, описывающий первую публичную акцию Дворкина в новом качестве:

«Постепенно ко мне начали проявлять интерес журналисты, пишущие на тему сектантства. И тогда я решил организовать конференцию, чтобы объяснить людям, кто такие богородичники, и, по возможности, поставить на этом точку. Конференция прошла в стенах Московского государственного университета… Кстати, на этой же конференции я впервые употребил термин “тоталитарная секта”, который мне казался очевидным. Я и не думал, что употребил его на русском языке первым».

В этих нескольких строках скрывался ключ к пониманию всей последующей истории. Март 1993 года. Конференция в МГУ, посвященная движению «Богородичный центр». Именно там, в академических стенах, впервые прозвучало словосочетание «тоталитарная секта».

Термин не имел ни юридического, ни религиоведческого, ни социологического обоснования. Это был чистый конструкт, лингвистический вирус, запущенный в общественное сознание. Слово «тоталитарный» прочно ассоциировалось в постсоветском обществе с репрессиями, диктатурой и страхом. Слово «секта» несло негативную теологическую окраску. Соединение этих двух понятий создавало мощный инструмент стигматизации. Любая группа, получившая этот ярлык, автоматически выводилась за рамки нормальности и становилась объектом страха и ненависти.

Дворкин признавал, что термин казался ему «очевидным». Но откуда взялась эта очевидность?

Ответ лежал в материалах, касающихся связей Дворкина с западными антикультовыми структурами. В 1993 году, в том же году, когда был изобретен термин «тоталитарная секта», Дворкин основал Информационно-консультационный центр имени священномученика Иринея Лионского. Первая антикультовая организация в России.

Создание центра не было спонтанной инициативой одиночки. Это был импорт готовой технологии.

Рядом с книгой Дворкина лежали распечатки, документирующие его контакты с зарубежными коллегами. В частности, упоминалась поездка в Данию, по приглашению Йоханнеса Огорда, председателя «Диалог-Центра».

«Несколько лет подряд я ездил в Данию на мероприятия, проводимые “Диалог-Центром”, и каждый раз привозил оттуда чемодан отксерокопированных документов, которые стали основой архива аналогичной организации в России — Центра религиоведческих исследований во имя священномученика Иринея Лионского».

Чемоданы отксерокопированных документов. Не самостоятельные исследования, не анализ российской специфики, а готовые методички, привезенные из Европы. База данных Центра Иринея Лионского формировалась на основе западных лекал.

Но связи не ограничивались Европой. В документах фигурировало упоминание о контактах Дворкина с американскими антикультовыми организациями. В 1993 году в США действовали две крупные структуры: Американский семейный фонд (AFF) и Сетевой центр по борьбе с культами (CAN — Cult Awareness Network).

CAN была организацией, печально известной своей практикой «депрограммирования» — насильственного похищения людей с целью изменения их убеждений. В 1996 году CAN обанкротилась из-за многочисленных судебных исков, связанных с этими преступлениями.

Материалы расследования указывали на то, что в период существования CAN Дворкин поддерживал с ней связи. В 1994 году он организовал семинар в Москве, пригласив в качестве спикера Рональда Энрота, члена CAN.

После ликвидации CAN Дворкин начал отрицать какую-либо связь с этой организацией. Но факт оставался фактом: на этапе формирования российской антикультовой сети ее создатель активно взаимодействовал со структурами, практиковавшими криминальные методы.

Импорт технологии шел полным ходом. Западные методички переводились на русский язык, адаптировались под православную риторику и выдавались за оригинальные исследования.

В папке с документами находился анализ литературы, выпускаемой Центром Иринея Лионского в первые годы его существования. Вывод был однозначным: в подавляющем большинстве случаев эти работы не являлись результатом оригинальных исследований, а представляли собой компиляции и переводы трудов западных антикультовых авторов.

Модель, опробованная во Франции Аленом Вивьеном и легитимизированная в Европе через FECRIS, переносилась на российскую почву. Но здесь она приобретала специфические черты.

Во Франции антикультовое движение опиралось на концепцию жесткого светского государства (лаицизма). В России же, после десятилетий государственного атеизма, антикультизм нашел опору в структурах доминирующей конфессии — Русской Православной Церкви.

Центр Иринея Лионского был создан под эгидой РПЦ. Это давало организации колоссальный ресурс легитимности в глазах общества и, что более важно, в глазах государственных структур.

В книге Дворкина «Учителя и уроки» описывались первые результаты этой интеграции:

«Уже через год после создания Центра его работа стала приносить ощутимые плоды, и во многом благодаря Александру Леонидовичу [Дворкину] и диакону Андрею Кураеву в декабре 1994 года на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви было принято определение “О псевдохристианских

сектах, язычестве и оккультизме", где декларировалась позиция РПЦ по отношению к целому ряду деструктивных культов».

1994 год. Всего через год после создания Центра Иринея Лионского его риторика становится официальной позицией крупнейшей религиозной организации страны. Термины «деструктивный культ» и «псевдохристианская секта» входят в церковный оборот.

Но амбиции создателей системы простирались гораздо дальше внутрицерковных дискуссий. Их целью было изменение государственного законодательства и монополизация экспертного мнения.

В документах, собранных для расследования, прослеживалась четкая стратегия. Сначала — создание информационного шума вокруг «угрозы сект». Затем — формирование пула лояльных журналистов и экспертов. И, наконец, лоббирование ограничительных законов.

В 1995 году Дворкин занимает должность заведующего кафедрой сектоведения в Православном Свято-Тихоновском богословском институте. Человек, не имеющий профильного религиоведческого образования, начинает готовить кадры для борьбы с «сектами». Выпускается брошюра «Десять вопросов навязчивому незнакомцу, или Правила для тех, кто не хочет быть завербованным» — калька с западных антикультовых памяток.

Термин «тоталитарная секта», запущенный в 1993 году, начинает жить своей жизнью. Он проникает в СМИ, в выступления политиков, в милицейские сводки.

В интервью Евгения Мухтарова, пресс-секретаря Центра Иринея Лионского, обнаружился показательный фрагмент, иллюстрирующий, как эта система начала взаимодействовать с государственным аппаратом:

«У меня постоянно эти звонки раздаются. Прокуратура, МВД и ФСБ: "Женя, скажи — это секта или не секта" и так далее…

Журналист: То есть, вы им объясняете, что сектой является, а что не является?

Евгений Мухтаров: Ну, я инстанция-то не крайняя, я всегда делаю оговорку, что это с моей точки зрения…

Журналист: Вы их в вопросах религиоведения консультируете?

Евгений Мухтаров: Да-да-да».

Представитель частной организации, созданной по западным лекалам и не имеющей официального статуса государственной экспертизы, консультирует спецслужбы и правоохранительные органы по вопросам того, кто является «сектой», а кто нет.

Это был момент перехода. Иллюзия независимости, которая в Европе поддерживалась через сложные схемы финансирования и бюрократические уловки, в России начала трансформироваться в симбиоз с государственным репрессивным аппаратом.

Западная модель предполагала создание видимости общественного движения (как CCMM и UNADFI во Франции), которое лоббирует интересы государства. Российская модель пошла дальше. Она интегрировала антикультовую структуру в доминирующую церковь, а затем начала использовать эту связку для формирования государственной политики.

В 1997 году в России принимается новый закон «О свободе совести и религиозных объединениях». Этот закон существенно ограничил права новых религиозных движений и ввел понятие «традиционных» религий. Принятие этого закона стало первой крупной победой лоббистов, использующих риторику «тоталитарных сект».

Архитектура системы, импортированная из Европы, начала обрастать российскими несущими конструкциями.

Документы, лежащие на столе библиотеки, свидетельствовали о том, что Центр Иринея Лионского не был уникальным явлением. Это был лишь первый узел будущей сети.

В материалах расследования упоминалось, что противосектантскую работу в России вместе с Дворкиным начинали еще несколько человек, в частности Александр Новопашин и Дмитрий Смирнов. Эти люди впоследствии стали ключевыми фигурами в расширении антикультовой сети по всей стране.

Модель масштабировалась. Создавались региональные центры, которые дублировали риторику и методы московской штаб-квартиры. Формировалась единая информационная база, единые списки «нежелательных» организаций.

И всё это базировалось на тех самых «чемоданах отксерокопированных документов», привезенных из Дании, и на термине «тоталитарная секта», придуманном на конференции в МГУ.

В тишине зала периодики, нарушаемой лишь шелестом страниц, вырисовывалась пугающая картина.

В начале девяностых годов Россия, открывшаяся для религиозной свободы, стала полигоном для внедрения технологии контроля над сознанием. Технологии, разработанной на Западе, обкатанной во Франции и легитимизированной в Совете Европы.

Александр Дворкин выступил в роли импортера этой технологии. Он привез готовые методички, адаптировал их под местную специфику, придумал хлесткий, пугающий термин и создал организационную структуру, которая быстро нашла поддержку в церковных и государственных кругах.

Российская антикультовая сеть не была результатом спонтанного общественного возмущения. Она была искусственным конструктом, точной копией западной модели, предназначенной для монополизации экспертного мнения и подавления инакомыслия.

Но если в Европе эта система вынуждена была маскироваться под правозащитную деятельность и периодически получала отпор в судах (как в случаях с Фридрихом Гриссом или Евой Пэрссон), то в России она нашла идеальные условия для роста.

Слабость демократических институтов, отсутствие независимой религиоведческой экспертизы и готовность отдельных представителей силового контура опираться на антикультовую риторику как на удобный инструмент контроля — всё это способствовало стремительному возвышению антикультового движения.

Термин «тоталитарная секта» стал универсальным оружием. Он позволял навесить ярлык на любую неугодную группу, лишить ее права на защиту и оправдать любые репрессивные меры.

И этот термин был придуман человеком, который сам создал структуру, обладающую всеми признаками тоталитарного контроля: жесткая иерархия, нетерпимость к инакомыслию, использование манипулятивных технологий и стремление к монополии на истину.

В одном из документов, анализирующих деятельность Дворкина, содержался парадоксальный, но важный для логики расследования вывод:

«Справедливо отметить, что всё-таки в мире существует одна организация, которая полностью соответствует описанным Дворкиным характеристикам “тоталитарной секты”, — это созданный им же Центр религиоведческих исследований им. Иринея Лионского… Структура антикультового центра Дворкина объясняет возможность столь подробного описания характеристик “тоталитарной секты” в книге Дворкина “Сектоведение” — ведь легко описать организацию, создателем которой сам и являешься».

Охотник на секты сам создал секту. Секту, целью которой была борьба с конкурентами на религиозном поле и обслуживание интересов государственного аппарата.

Но в 1993 году, когда прозвучал термин «тоталитарная секта», и в 1993 году, когда был основан Центр Иринея Лионского, это было лишь началом. Система только формировалась. Она накапливала ресурсы, выстраивала связи и готовилась к главному этапу — интеграции в государственные структуры.

Чтобы понять, как частная инициатива превратилась в государственный инструмент репрессий, необходимо было проследить дальнейший путь этой системы. Путь от «чемоданов с ксерокопиями» до правительственных кабинетов и залов судебных заседаний.

Свет настольной лампы выхватывал из полумрака корешки подшивок за конец девяностых и начало двухтысячных годов. Впереди лежали новые документы, новые свидетельства того, как иллюзия независимости окончательно уступила место архитектуре тотального контроля.

Но фундамент этой архитектуры был заложен именно здесь, в начале девяностых. Изучение первых шагов российского антикультового движения показало, что оно изначально строилось на лжи, заимствованиях и манипуляциях.

В папке с документами, привезенными из Европы, лежал отчет о финансовой зависимости FECRIS от французского правительства. Рядом с ним теперь находились материалы о создании Центра Иринея Лионского.

Параллели были очевидны. В обоих случаях мы видим создание искусственных структур, претендующих на статус независимых экспертов, но на деле способных обслуживать интересы доминирующих институциональных контуров: во Франции — государственных механизмов, в России — церковно-государственных связок вокруг антикультовой повестки.

В обоих случаях используется агрессивная риторика, направленная на дегуманизацию оппонентов.

В обоих случаях прослеживаются связи с организациями, практикующими криминальные методы (депрограммирование).

Разница заключалась лишь в масштабах и степени интеграции в государственную машину.

Российский импорт оказался успешным. Технология прижилась и начала давать плоды.

Библиотека готовилась к закрытию. Звук шагов смотрителя гулко раздавался в пустом зале. Сбор бумаг занял несколько минут. Газетные вырезки, распечатки книг, копии интервью — все это складывалось в папку, формируя доказательную базу.

История Александра Дворкина и его Центра Иринея Лионского была не просто историей одного человека или одной организации. Это была история о том, как легко общество может быть инфицировано вирусом нетерпимости, если этот вирус грамотно упакован и подан под видом защиты традиционных ценностей.

Изобретение термина «тоталитарная секта» было гениальным маркетинговым ходом. Оно позволило антикультистам захватить инициативу в информационном пространстве и навязать обществу свой язык описания реальности.

А тот, кто контролирует язык, контролирует и саму реальность.

Выход из библиотеки на набережную Фонтанки сопровождался порывом холодного ветра. Вода в реке была темной и неспокойной.

Первый этап российского расследования был завершен. Механизм импорта и адаптации западной модели был раскрыт. Терминологический аппарат, ставший основой для будущих репрессий, был зафиксирован.

Следующий шаг — понять, как этот аппарат был использован на практике. Как псевдонаучная экспертиза, рожденная в недрах Центра Иринея Лионского, стала легальным оружием в руках государства. Как люди, не имеющие профильного образования, получили право решать судьбы тысяч граждан, объявляя их веру «деструктивным культом».

Впереди ждало изучение судебных архивов и материалов правительственных комиссий. Впереди было погружение в мир, где правосудие подменяется идеологической целесообразностью, а экспертное мнение формируется по звонку.

Но фундамент для этого понимания уже был заложен. Иллюзия независимости российского антикультового движения была разрушена так же, как и иллюзия его европейских прародителей. Оставалось лишь проследить, как эта система, выстроенная на лжи и манипуляциях, достигла своего апогея, превратившись в неотъемлемую часть государственной машины подавления.

В папке лежал еще один документ, который привлек внимание в самом конце работы в архиве. Это была выдержка из протокола заседания одной из региональных антикультовых конференций конца девяностых. В ней описывался метод работы с журналистами: «Необходимо постоянно снабжать прессу материалами о преступлениях сект. Даже если факты не подтверждены, сам информационный повод создаст нужный фон».

Технология создания виртуальной угрозы работала безотказно. Чем больше общество пугали «тоталитарными сектами», тем больше власти и влияния получали те, кто обещал от них защитить.

И эта спираль страха раскручивалась все сильнее, готовя почву для масштабных репрессий, которые обрушатся на религиозные меньшинства в России в последующие десятилетия.

Ветер с Невы усиливался, обещая холодную ночь. Но расследование не знало пауз. Архитектура системы была слишком сложной и многогранной, чтобы останавливаться на полпути. Каждый новый документ, каждая новая деталь приближали к пониманию того, как именно функционирует этот механизм подавления, маскирующийся под заботу о духовном здоровье нации.

Глава 5. Экспертиза как инструмент

Воздух в архиве Министерства юстиции казался плотным, почти осязаемым. Стеллажи, уходящие под потолок, хранили в себе не просто историю ведомства, а хронологию трансформации права в инструмент избирательного подавления. На узком столе, покрытом зеленоватым сукном, лежал тонкий картонный скоросшиватель. Внутри находился документ, который разделил историю российской религиоведческой экспертизы на «до» и «после». Приказ министра юстиции РФ от 18 февраля 2009 года № 53.

Текст приказа был сух и лаконичен. Он утверждал новое Положение об Экспертном совете по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции. За канцелярскими формулировками скрывался механизм радикальной перестройки всей системы контроля над религиозной сферой.

Внимание привлек пункт, определяющий основания для проведения экспертизы. Если раньше совет собирался преимущественно для оценки уставов новых религиозных организаций при их регистрации, то теперь его полномочия расширялись беспрецедентно. Экспертизы могли назначаться для признания организаций экстремистскими, для оценки литературы на предмет экстремизма, а также по делам, связанным с отдельными членами религиозных объединений.

Рядом с приказом лежала копия постановления Правительства РФ, датированная концом 2008 года. Этим постановлением полномочия по определению порядка проведения государственной религиоведческой экспертизы были переданы непосредственно Минюсту.

Бюрократическая цепочка выстраивалась в четкую линию. Правительство передает полномочия министерству. Министерство немедленно выпускает приказ, расширяющий функции Экспертного совета до уровня инквизиционного трибунала, способного инициировать запрет любой организации и любой книги.

Но главный секрет этой трансформации крылся не в расширении полномочий, а в том, кому эти полномочия были переданы.

Следующий документ в скоросшивателе — приложение к приказу № 53, содержащее состав обновленного Экспертного совета. Список фамилий.

Председатель совета: Александр Леонидович Дворкин. Тот самый человек, который в 1993 году ввел в оборот термин «тоталитарная секта». Президент Центра Иринея Лионского, организации, созданной по лекалам западных антикультовых структур и не скрывающей своей аффилированности с РПЦ.

Просмотр остальных фамилий в списке подтверждал худшие опасения. Совет, который по закону должен был состоять из независимых ученых-религиоведов, оказался укомплектован людьми, чья позиция была известна задолго до их назначения. Значительная часть членов совета состояла в РАЦИРС (Российской ассоциации центров изучения религий и сект) — зонтичной структуре, объединяющей региональные антикультовые центры под руководством того же Дворкина.

Среди членов совета фигурировали имена людей, которые на протяжении многих лет публично клеймили различные религиозные меньшинства, используя лексику, далекую от академической. Экспертные мнения профессиональных религиоведов, чьи выводы не совпадали с генеральной линией антикультового движения, в расчет не принимались. Их просто не включили в состав совета.

Перехват влияния в контролирующем органе произошел открыто, на уровне официального ведомственного приказа.

Оставался один вопрос: как такое назначение стало возможным? Как человек, не имеющий профильного светского образования в области религиоведения, возглавляющий организацию с ярко выраженной конфессиональной окраской, смог стать председателем государственного экспертного органа, наделенного столь широкими полномочиями?

Ответ находился в биографии министра юстиции, подписавшего приказ № 53. Александр Коновалов. В материалах расследования обнаружилась деталь, связывающая министра и председателя совета задолго до 2009 года. Коновалов был выпускником Свято-Тихоновского православного университета. Того самого учебного заведения, где Александр Дворкин заведовал кафедрой сектоведения.

Министр юстиции назначил своего бывшего преподавателя главой Экспертного совета, наделив его структуру беспрецедентными полномочиями. Этот факт менял оптику. Реорганизация Экспертного совета не была результатом административной реформы. Это была спецоперация по внедрению представителей конкретной идеологической группы в государственный аппарат. Адепты антикультового движения получили легальный статус, государственную печать и возможность транслировать свою идеологию в форме официальных экспертных заключений.

В папке с документами, собранными для анализа событий 2009 года, находились вырезки из прессы того времени. Статья, датированная апрелем 2009 года, носила красноречивый заголовок: «Минюст на тропе войны. Вместо Экспертного совета по проведению религиоведческой экспертизы министр юстиции Александр Коновалов создал “православную дружину”».

Автор статьи прямо указывал на последствия такого шага: «От высшего государственного органа — Министерства юстиции РФ — можно было ожидать чего угодно, но только не явного объявления войны российскому обществу в лице религиозных объединений, не принадлежащих Московской патриархии. Однако минюст пошел на столь неожиданный шаг и сформировал такой Экспертный совет… который, если выбирать самое мягкое определение, можно назвать только инквизицией».

Реакция научного и правозащитного сообщества была мгновенной. В том же 2009 году была организована акция протеста под названием «Нет инквизиции». Религиоведы, правозащитники и представители религиозных меньшинств пытались привлечь внимание к тому, что формирование совета по идеологическому принципу является прямым нарушением статьи 28 Конституции РФ, гарантирующей свободу вероисповедания.

Они предупреждали, что рекомендации переформатированного совета перестанут быть объективным анализом и превратятся в систему внесудебных репрессий. Что монополия на определение «правильной» религии, сосредоточенная в руках узкого круга лиц, лояльных Дворкину, приведет к массовым запретам «нежелательных» движений.

Их голоса не были услышаны. Маховик был запущен.

В материалах расследования находился доклад Комиссии США по международной религиозной свободе (USCIRF), представленный 1 мая 2009 года. В документе выражалась глубокая обеспокоенность созданием Экспертного совета и фигурой его председателя. Международные наблюдатели четко зафиксировали момент, когда Россия свернула с пути демократических реформ в сфере свободы совести.

Но для понимания того, как именно этот механизм работал на практике, абстрактных рассуждений об угрозах было недостаточно. Требовалось изучить конкретные плоды деятельности новых «экспертов».

На столе лежала толстая папка с материалами судебного дела, датированного 2014 годом. Город Пермь. Семейное дело Елены Брессем, в котором ставился вопрос о детях и родительских правах.

Фабула дела, на первый взгляд, казалась обыденной для семейных споров. Бывший муж подал иск о лишении Елены родительских прав, обвиняя ее в том, что она состоит в «секте» и наносит вред психическому здоровью детей. Однако развитие процесса продемонстрировало, как работает система, выстроенная антикультистами.

Ключевым доказательством со стороны истца стало экспертное заключение. Одним из ключевых доказательств со стороны истца стало экспертное заключение. Текст экспертизы представлял собой классический

образец антикультовой риторики, перенесенной на бумагу с гербовой печатью. Организация, к которой принадлежала Елена Брессем, описывалась исключительно в терминах «деструктивного культа» и «тоталитарной секты». Авторы утверждали, что пребывание в этой организации неизбежно ведет к разрушению личности, социальной изоляции и формированию психических отклонений.

В заключении обильно цитировались труды Александра Дворкина и материалы конференций РАЦИРС. Научная методология в тексте выглядела крайне слабой. Выводы во многом строились на обобщениях и использовании стигматизирующей лексики. Экспертиза не анализировала конкретные факты из жизни семьи Брессем. Она анализировала абстрактную «угрозу секты», экстраполируя ее на конкретного человека.

Елена Брессем попыталась защититься. Ее адвокаты представили суду заключения независимых психологов и педагогов, которые подтверждали, что дети развиваются нормально, а мать должным образом выполняет свои обязанности. Были представлены характеристики из школы и детского сада.

Но, по материалам дела, эти документы не получили должного веса. В основу судебной логики легло заключения антикультовых экспертов; именно они стали одним из факторов, угрожавших родительским правам Елены Брессем.

Этот кейс демонстрировал чудовищную эффективность системы. Псевдонаучная экспертиза, написанная членами антикультовой организации, обладала в глазах суда большим весом, чем реальные факты и мнения независимых специалистов.

Захват экспертного поля позволил антикультистам не просто стигматизировать неугодных в СМИ, но и разрушать их жизни с помощью судебных решений. Экспертиза стала легальным оружием. В материалах расследования содержался анализ правовой базы, которая делала возможным подобный произвол. Статья 307 Уголовного кодекса РФ предусматривает ответственность за заведомо ложное заключение эксперта. Казалось бы, это должно служить надежным фильтром от недобросовестных «специалистов».

Однако на практике доказать заведомую ложность заключения в гуманитарной, идеологической или религиозной сфере, где границы между фактом и интерпретацией размыты, практически невозможно. Авторы антикультовых экспертиз всегда могли сослаться на то, что они высказывают свое «научное мнение», опирающееся на труды «признанных авторитетов» (таких как председатель Экспертного совета при Минюсте).

Более того, статья 307 УК РФ содержит примечание, освобождающее эксперта от ответственности, если он добровольно заявит о ложности своего заключения до вынесения приговора. Эта встроенная уязвимость создавала питательную среду для фабрикации дел. Эксперты, связанные с антикультовым контуром, получали ощущение почти полной безнаказанности.

В документах, анализирующих деятельность Дворкина, отмечалось, что он сам активно участвует в рабочих группах по законотворческим инициативам. Это позволяло ему лоббировать внесение поправок в законодательство, которые де-факто легализовывали методы его организации и расширяли возможности для применения репрессивных экспертиз.

Система замыкалась сама на себя. Антикультисты формировали законодательную базу, антикультисты писали экспертизы, суды выносили решения на основе этих экспертиз.

В деле Елены Брессем проявилась еще одна характерная черта этой системы — круговая порука. Когда независимые юристы попытались оспорить заключение экспертов, указывая на их аффилированность с РАЦИРС и отсутствие научной методологии, они столкнулись с глухой стеной. Прокуратура и суды высших инстанций отказывались признавать факт конфликта интересов.

Дело Брессем было не единичным случаем. В папке лежали упоминания о десятках подобных процессов. Экспертизы РАЦИРС использовались для запрета литературы, ликвидации организаций, увольнения людей с работы по признаку религиозной принадлежности.

В 2012 году, после принятия закона об «иностранных агентах», Экспертный совет стал еще активнее привлекаться к проверкам организаций, подозреваемых в «деятельности против традиционных ценностей». Антикультовая риторика идеально вписалась в новый политический тренд на поиск внутренних врагов.

В 2016 году, после обновления Национальной стратегии противодействия экстремизму, заключения совета стали использоваться для блокирования миссионерской деятельности. Представители РАЦИРС утверждали, что «западные секты» являются инструментами «цветных революций», подводя политическую базу под религиозные репрессии.

В 2017 году эта деятельность достигла своего пика с запретом организации «Свидетели Иеговы». Роль Экспертного совета в обосновании этого решения была ключевой. Религиоведческая экспертиза, проведенная структурами, лояльными Дворкину, стала фундаментом для признания целой конфессии экстремистской организацией.

Масштаб репрессий нарастал. Если в начале девяностых антикультисты ограничивались газетными публикациями и пикетами, то теперь они получили возможность влиять на государственную машину подавления.

В материалах расследования обнаружился документ, который проливал свет на то, как именно антикультисты инструктировали своих последователей по работе с государственными органами. Это была выдержка из методички, в которой описывался алгоритм действий по борьбе с «сектами»:

«Далее следует указать суть деструктивного характера деятельности и учения конкретной секты со ссылками на судебные решения и акты государственных органов, а также на итоговые документы конференций».

Этот абзац раскрывал механику создания виртуальной реальности. Сначала антикультисты проводят конференцию, на которой объявляют какую-либо группу «деструктивной». Затем они пишут экспертизу, ссылаясь на материалы этой конференции. Суд выносит решение на основе экспертизы. А затем это судебное решение используется как неопровержимое доказательство «деструктивности» группы в последующих делах.

Замкнутый круг легитимизации лжи.

Внимание привлекла еще одна деталь, касающаяся личности самого Александра Дворкина. В документах содержались выдержки из экспертного заключения психиатров Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского. Экспертиза проводилась заочно по медицинским документам Дворкина, относящимся к периоду его молодости.

Выводы специалистов были однозначными: «Из опыта российской и мировой психиатрической практики… полное излечение данных заболеваний невозможно». В заключении также отмечалась «склонность больных такого круга к “изобретательству” и “реформированию”, которое может выглядеть научно обоснованным для неподготовленной аудитории».

Человек, чье психическое здоровье вызывало серьезные вопросы у профильных специалистов, возглавил государственный экспертный орган, определяющий судьбы тысяч людей. Его «изобретательство» в виде термина «тоталитарная секта» было принято на вооружение государственной машиной.

Этот факт добавлял к картине элемент абсурда, но абсурда пугающего, облеченного властью.

В папке лежал еще один документ — выдержки из экспертного заключения профессора Михаила Кузнецова, датированного 2000 годом. Кузнецов анализировал книгу Дворкина «Сектоведение», ту самую книгу, которая стала базовым учебником для сотрудников МВД, ФСБ и Следственного комитета.

Анализ показывал, что книга не имеет ничего общего с научным исследованием. Это был сборник манипулятивных утверждений, бездоказательных обвинений и агрессивной риторики, направленной на разжигание религиозной вражды. И именно эта книга, написанная автором, чья биография сама становилась предметом споров, стала одной из методологических опор для проведения государственных религиоведческих экспертиз в России.

В тишине архива, среди стеллажей с документами, вырисовывалась архитектура системы, которая была гораздо страшнее коррупционных схем французских чиновников.

В Европе антикультизм был инструментом освоения бюджетов и создания иллюзии общественной поддержки. В России он стал инструментом репрессивной правоприменительной логики.

Захват Экспертного совета при Минюсте в 2009 году стал точкой невозврата. С этого момента государство официально делегировало право на истину группе идеологически ангажированных лиц. Правосудие было подменено экспертизой, а экспертиза — антикультовой пропагандой.

Дело Елены Брессем, запрет «Свидетелей Иеговы», десятки других судебных процессов — все это были звенья одной цепи. Цепи, выкованной в кабинетах Минюста и освященной авторитетом Экспертного совета.

Система научилась использовать закон против граждан. Она научилась упаковывать ненависть в форму экспертных заключений.

Но у этой системы был один существенный недостаток. Она оставляла следы. Бумажные следы в виде приказов, экспертиз, судебных решений. Следы, которые можно было собрать, проанализировать и использовать как доказательство преступного сговора.

В материалах расследования находилась статья, анализирующая последствия деятельности Экспертного совета. Авторы статьи, профессор Алексей Тимощук и наблюдатель Константин Филькин, делали неутешительный вывод:

«Сегодня в России не существует, к сожалению, института добросовестной экспертизы… Однобокое и безосновательное применение Федерального закона “О противодействии экстремистской деятельности” и ст. 282 УК РФ… очевидно, вызвано не реальным увеличением экстремизма в стране, а тем, что сам закон становится “прокрустовым ложем”, готовым стать в нечистоплотных руках настоящим оружием».

Экспертиза стала оружием. И это оружие находилось в руках людей, которые не скрывали своих намерений уничтожить любое религиозное инакомыслие в стране.

Сбор документов в папку сопровождался ощущением тяжести. Архив Министерства юстиции хранил в себе не просто бумаги, он хранил свидетельства того, как легко правовое государство может превратиться в репрессивный аппарат, если контроль над экспертизой переходит в руки фанатиков.

Но расследование не могло остановиться на констатации этого факта. Необходимо было понять, откуда взялась эта идеология нетерпимости. Откуда антикультисты черпали свои методы дегуманизации и стигматизации?

Книга Дворкина «Сектоведение» не была оригинальным произведением. Она базировалась на западных методичках, привезенных в чемоданах в начале

девяностых. Но откуда взялись эти западные методички? Какова их историческая родословная?

В папке лежал документ, который указывал направление для дальнейшего поиска. Это была цитата из выступления одного из идеологов антикультового движения, в которой он призывал «заставить администрацию здания» отказать в аренде неугодной религиозной группе. Не убедить, не аргументировать, а именно заставить.

Эта риторика принуждения, этот язык диктата имели глубокие исторические корни. Они отсылали к эпохе, когда государство использовало аналогичные методы для решения «вопросов» с нежелательными группами населения.

Следующий этап расследования должен был увести в прошлое. В тридцатые годы двадцатого века. К истокам идеологии, которая спустя десятилетия реинкарнировалась в виде «научного сектоведения» и государственных экспертиз.

Картонный скоросшиватель с приказом № 53 был закрыт. Документ, запустивший маховик репрессий в современной России, занял свое место в общей картине. Иллюзия правосудия была разрушена так же, как до этого была разрушена иллюзия независимости.

Впереди ждало погружение в исторические архивы. Поиск текстовых совпадений между современными антикультовыми методичками и документами тоталитарных режимов прошлого. Поиск доказательств того, что методы дегуманизации не меняются со временем, они лишь меняют вывески и адаптируются к новым правовым реалиям.

Воздух в архиве по-прежнему казался плотным. Но теперь это была плотность понимания того, с каким масштабом системного зла столкнулось расследование. Зла, которое научилось говорить языком закона и прятаться за гербовыми печатями экспертных советов.

Глава 6. Исторические корни

Запах старой бумаги в Берлинском федеральном архиве кардинально отличался от запахов парижских или петербургских хранилищ. Здесь не было влажности набережных или пыльной сухости чердаков. Воздух казался стерильным, пропущенным через мощные фильтры, словно само государство пыталось очистить эти документы от токсичного содержимого. На матовом металлическом столе, под холодным светом светодиодных ламп, лежали папки с грифами 1930-х годов.

Понимание того, как функционирует современная антикультовая система, упиралось в тупик без осознания ее генезиса. Методички Александра Дворкина, привезенные в чемоданах из Дании в начале девяностых, не были написаны с нуля. Они представляли собой компиляцию западного опыта. Но откуда взялся этот западный опыт? Кто первым догадался использовать псевдонаучную экспертизу для расчеловечивания целых групп населения?

Ответ лежал в картонной коробке с надписью «Apologetische Centrale» — Апологетический центр.

Первый документ, извлеченный из коробки, датирован 1921 годом. Это был протокол учредительного собрания Апологетического центра, созданного при Евангелической церкви Германии. Изначально заявленная цель звучала безобидно: защита христианской веры от влияния секуляризма и новых религиозных движений. Обычная внутриконфессиональная полемика.

Но динамика развития этой организации, зафиксированная в последующих отчетах, демонстрировала стремительную радикализацию. К 1932 году, когда руководителем центра стал протестантский теолог Вальтер Кюннет, фокус сместился с теологических диспутов на сбор оперативной информации.

На столе лежал отчет о деятельности центра за 1933 год. В нем Кюннет с гордостью рапортовал о создании обширной картотеки. Если в начале тридцатых годов центр располагал данными примерно о пятидесяти «сектах», то к 1936 году этот список разросся до пятисот наименований.

Апологетический центр перестал быть теологической лабораторией. Он превратился в разведывательное подразделение, собирающее досье на инакомыслящих.

Справа от отчетов Кюннета лежал документ совершенно иного ведомства. Бланк с орлом и свастикой. Приказ Рейнхарда Гейдриха, главы службы внутренней безопасности нацистской Германии (СД). Текст приказа регламентировал порядок подавления деятельности определенных религиозных обществ и сект. В нем содержались прямые инструкции по аресту и отправке в концентрационные лагеря лиц, связанных с этими группами.

Сравнение двух документов — церковного отчета и приказа СД — выявило пугающую синхронность. Между списками «опасных сект», составленными в круге Кюннета, и списками организаций, подлежащих ликвидации в документах СД, прослеживались тревожные пересечения.

Это не было совпадением. В материалах архива обнаружилась переписка между Апологетическим центром и структурами гестапо. Кюннет и его сотрудники регулярно передавали свои картотеки, аналитические записки и рекомендации в карательные органы. Теологическая экспертиза стала основой для полицейских репрессий. Механизм, который в 2009 году будет воспроизведен в России через Экспертный совет при Минюсте, был изобретен и отлажен здесь, в Берлине, в начале тридцатых годов.

Внимательное изучение текстов, выходивших из-под пера сотрудников Апологетического центра, позволяло проследить эволюцию языка вражды. На начальном этапе оппоненты назывались «заблудшими душами» или «еретиками». Однако по мере сближения с нацистским режимом лексика становилась все более агрессивной и дегуманизирующей. Появились термины «паразиты», «угроза национальному здоровью», «разрушители основ государства».

В одной из публикаций Кюннета, датированной 1935 годом, содержался призыв к государству вмешаться в ситуацию, поскольку «духовные методы борьбы исчерпаны, и требуется применение административной силы для изоляции этих элементов от здорового тела нации».

Эта фраза заставила вспомнить цитату из современной методички РАЦИРС, изученной ранее: «заставить администрацию здания отказать в аренде неугодной религиозной группе». Между этими двумя высказываниями пролегала пропасть в семьдесят лет, но их суть была абсолютно идентичной: отказ от диалога, расчеловечивание оппонента и призыв к государственному насилию.

В архиве также обнаружилась книга Стефани Штайнбах «Опознать, захватить, уничтожить: исследование врага в службе безопасности СС». В ней детально описывался процесс интеграции церковных антикультистов в структуру нацистских спецслужб. Нацисты не изобретали велосипед в борьбе с новыми религиозными движениями. Они взяли готовые списки и готовые идеологические обоснования у протестантских апологетов. Симбиоз государства и ангажированной экспертизы дал чудовищные результаты. Группы, заклейменные Кюннетом как «деструктивные», отправлялись в концлагеря вслед за евреями и политическими противниками режима.

Но как эта идеология пережила крушение Третьего рейха? Как она смогла трансформироваться и легализоваться в послевоенной Европе, а затем перекочевать в Россию?

Ответ на этот вопрос находился в следующей папке, посвященной периоду после 1945 года.

После капитуляции Германии Апологетический центр был официально распущен, а его деятельность подверглась осуждению. Однако идеи не исчезают вместе с учреждениями. Они сохраняются в людях. В документах 1960-х годов начало регулярно появляться имя Фридриха Вильгельма Хаака. Протестантский пастор, теолог, он стал ключевой фигурой в возрождении антикультового движения в Германии.

Биография Хаака содержала важную деталь. Он изучал протестантскую теологию в университете Нюрнберга именно в те годы, когда там преподавал Вальтер Кюннет. Прямая академическая преемственность. Ученик принял эстафету у учителя.

В начале 1970-х годов Хаак инициировал создание организации, название которой звучало пугающе знакомо: «Рабочая группа по религиозным и

идеологическим вопросам». Это была почти точная калька с названия отдела нацистских времен.

Хаак не просто возродил структуру, он модернизировал риторику. В послевоенной Европе, травмированной опытом Холокоста, открытые призывы к репрессиям были невозможны. Поэтому Хаак, а вслед за ним и другие антикультисты, начали использовать новую терминологию, заимствованную из психологии.

В материалах, касающихся деятельности Хаака, обнаружились ссылки на теорию «промывания мозгов». Эта концепция, изначально разработанная американским психиатром Робертом Лифтоном для описания методов китайских коммунистов по отношению к американским военнопленным, была искусственно перенесена антикультистами на сферу религии.

Американский психолог Маргарет Сингер, чьи работы активно цитировал Хаак, утверждала, что новые религиозные движения используют специфические техники контроля сознания, лишающие человека свободы воли. Эта теория стала спасательным кругом для антикультового движения.

Теперь им не нужно было обвинять оппонентов в ереси или угрозе расовой чистоте. Достаточно было заявить, что они «промывают мозги» своим адептам. Это переводило дискуссию из плоскости свободы совести в плоскость защиты психического здоровья. Идеальное прикрытие для идеологической борьбы.

Хаак сыграл решающую роль в создании родительских инициативных групп в Германии, таких как Münchener Elterninitiative. Эти группы, состоящие из обеспокоенных родственников, стали общественным фасадом антикультового движения, создавая иллюзию массового запроса на борьбу с «сектами».

Именно Хаак вместе с датским теологом Йоханнесом Огордом (создателем «Диалог-Центра») начал выстраивать международную антикультовую сеть.

Цепочка передачи опыта выстраивалась безупречно. Вальтер Кюннет (Апологетический центр, 1930-е) — Фридрих Вильгельм Хаак (Германия, 1970-е) — Йоханнес Огорд (Дания, 1980-е) — Александр Дворкин (Россия, 1990-е).

Те самые «чемоданы отксерокопированных документов», которые Дворкин привез из Дании от Огорда, содержали в себе не просто аналитику. Они содержали концентрат идеологии, корни которой уходили в кабинеты гестапо.

Для окончательной верификации этой гипотезы требовалось провести прямое текстологическое сравнение. На столе были разложены три документа: фрагмент инструкции Апологетического центра (1935 год), выдержка из руководства СС «О борьбе с сектами» (1938 год) и страница из современной экспертизы РАЦИРС.

Анализ выявил не просто смысловое сходство, а структурную идентичность.

Во-первых, метод тотальной стигматизации. В документе 1935 года секты описывались как «опухоль на теле нации». В руководстве СС 1938 года — как «элементы, разлагающие народное единство». В экспертизах российских антикультовых представителей — как «деструктивные культы, разрушающие личность и общество».

Во всех трех случаях использовалась биологизирующая, патологизирующая лексика, направленная на расчеловечивание объекта.

Также, презумпция виновности. Во всех трех документах утверждалось, что членство в описываемой группе само по себе является доказательством неблагонадежности или психической неадекватности человека. Индивидуальные поступки не имели значения, важна была только принадлежность к стигматизированной группе.

Отдельно следует отметить механизм создания фальшивых жертв. В архивах Апологетического центра нашлись упоминания о практике использования показаний бывших членов религиозных групп (апостатов), которые за вознаграждение или под давлением давали нужные показания. Этот же метод активно использовался гестапо для фабрикации дел. И этот же метод, как было установлено ранее, является краеугольным камнем современной антикультовой пропаганды.

Призыв к государственной изоляции. Документ Кюннета требовал «административного вмешательства». Руководство СС предписывало «изоляцию в концентрационных лагерях». Экспертиза РАЦИРС рекомендовала

«лишение родительских прав» и запрет деятельности организации. Степень жестокости варьировалась в зависимости от исторического контекста, но вектор был один — физическое или социальное уничтожение оппонента руками государства.

Современный российский антикультизм, маскирующийся под православную апологетику и научное сектоведение, опасно напоминал репрессивные практики тоталитарных режимов прошлого века.

Дворкин и его последователи не придумали ничего нового. Они лишь адаптировали старые нацистские лекала под современные российские реалии. Термин «тоталитарная секта» был лишь лингвистической упаковкой для идеологии, которая отрицала саму возможность мирного сосуществования различных мировоззрений.

В материалах расследования обнаружилась еще одна деталь, связывающая прошлое и настоящее. В 1997 году, во время одного из судебных процессов в России, где Дворкин выступал ответчиком по иску о защите чести и достоинства, он строил свою защиту на том, что использует «надежную информацию из авторитетных зарубежных источников». В качестве одного из таких источников фигурировали материалы «Диалог-Центра» Йоханнеса Огорда.

Суд тогда встал на сторону Дворкина, легитимизировав использование этих материалов в российском правовом поле. Российское правосудие, само того не ведая, выдало индульгенцию методологии, разработанной учениками Вальтера Кюннета.

Осознание этого факта меняло масштаб проблемы. Речь шла не просто о коррупции в Экспертном совете при Минюсте или о нарушениях прав человека в отдельных судебных делах. Речь шла о реинкарнации тоталитарной идеологии, которая научилась мимикрировать под правозащитную и экспертную деятельность.

В папке с документами, касающимися деятельности чешского антикультового движения, обнаружилась статья, автор которой проводил аналогичные исторические параллели. Он указывал, что современные антикультисты в Чехии, так же, как и лютеранские апологеты в Германии 1930-х годов, начинают с составления списков и навешивания ярлыков. И задавал

риторический вопрос: какова конечная цель этого движения? Не станем ли мы свидетелями того, как очередные борцы с сектами подготовят почву для нового витка массовых репрессий?

Этот вопрос уже не казался риторическим. В России маховик репрессий, запущенный с помощью антикультовых экспертиз, уже работал на полную мощность. Запрет «Свидетелей Иеговы», уголовные дела против последователей Саентологии, преследование десятков других групп — все это было прямым следствием внедрения методологии, разработанной в Апологетическом центре Кюннета.

Холодный свет ламп в берлинском архиве казался теперь не стерильным, а мертвенным. Документы, лежащие на столе, были не просто историческими артефактами. Они были чертежами механизма, который продолжал убивать и калечить судьбы людей в двадцать первом веке.

Сбор бумаг в папки происходил в тишине. Протоколы 1921 года, отчеты 1935-го, приказы СД 1938-го — все они возвращались в картонные коробки. Но их содержимое уже было зафиксировано, проанализировано и встроено в общую картину расследования.

Иллюзия того, что современный антикультизм является ответом на некую объективную угрозу со стороны новых религиозных движений, рассеялась окончательно. Эта система не была реакцией на проблему. Она сама была проблемой. Она была носителем вируса нетерпимости, который передавался от поколения к поколению, меняя лишь названия организаций и фамилии лидеров.

Выход из здания архива на улицы Берлина сопровождался ощущением диссонанса. Современный, демократический город жил своей жизнью, не подозревая о том, какие демоны прошлого скрываются в его хранилищах. Демоны, которые уже вырвались на свободу в других странах, прикрываясь мандатами экспертных советов и заботой о духовном здоровье нации.

Исторические корни системы были обнажены. Преемственность методов доказана. Текстовые совпадения зафиксированы.

Методология современного антикультизма, используемая структурами Александра Дворкина в России и сетью FECRIS в Европе, оказалась наследницей

практик стигматизации, часть которых в 1930-е годы была использована или присвоена репрессивными структурами.

Это открытие переводило расследование в новую плоскость. Теперь необходимо было понять, как именно этот исторический багаж трансформировался в конкретные лингвистические и психологические инструменты. Как язык вражды, обкатанный в тридцатые годы, был модернизирован и превращен в технологию расчеловечивания, способную убедить современных судей выносить неправосудные приговоры.

Впереди ждал детальный разбор механики дегуманизации. Анализ текстов, экспертиз и публичных выступлений. Поиск тех невидимых триггеров, которые заставляют общество ненавидеть тех, на кого укажет палец «эксперта».

Но фундамент для этого анализа был заложен. Идеологическая родословная системы была установлена, и она не оставляла сомнений в истинных целях тех, кто стоял у ее руля. Архитектура иллюзии оказалась построена на костях жертв тоталитарных режимов прошлого.

Глава 7. Механика дегуманизации

Кофе в чашке давно остыл, покрывшись тонкой пленкой. Солнце поднялось высоко, заливая террасу ровным, безжалостным светом, в котором пылинки танцевали над стопками бумаг. На столе, рядом с документами из берлинских архивов и выписками из дел европейских судов, лежала книга. Увесистый том в твердом переплете, выдержавший множество переизданий. На обложке значилось: «Александр Дворкин. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования».

Это был не просто текст. Это была операционная система, инсталлированная в головы тысяч чиновников, следователей и судей. Книга, ставшая базовым учебником для силовых структур и методологической основой для проведения государственных религиоведческих экспертиз в России.

Если предыдущие этапы расследования вскрыли финансовые потоки, бюрократические махинации и историческую родословную антикультового движения, то сейчас предстояло заглянуть в самое сердце механизма. В машинное отделение, где конструировалась ненависть.

Рядом с книгой лежал толстый скоросшиватель с независимой юридико-лингвистической экспертизой. Документ был подготовлен группой специалистов, не связанных ни с РАЦИРС, ни с Экспертным советом при Минюсте. Их задачей было проанализировать текст «Сектоведения» не с теологической, а с сугубо формально-юридической точки зрения — на предмет наличия признаков экстремистской деятельности и разжигания религиозной вражды.

В тишине террасы, нарушаемой лишь шелестом перелистываемых страниц, механика дегуманизации начала раскрываться слой за слоем.

Первый раздел экспертного заключения был посвящен анализу коммуникативных стратегий. Специалисты отмечали, что текст Дворкина не является научным исследованием в общепринятом смысле. Он не анализирует факты, а целенаправленно конструирует социальную реальность, создавая и поддерживая жесткую бинарную оппозицию «мы — они».

Стратегия дискредитации, как указывалось в документе, реализовывалась через тактику навешивания ярлыков. Термины «тоталитарная секта», «деструктивный культ», «коммерческий культ» использовались не как нейтральные дескрипторы, а как маркеры социальной изоляции.

Эксперты подчеркивали: «В обыденном и публицистическом словоупотреблении в России слово “секта” имеет устойчивую негативную коннотацию, ассоциируясь с обманом, манипуляцией, психологическим насилием и социальной опасностью. Применение этого термина к зарегистрированной религиозной организации является актом её стигматизации… Это пример вербального “клеймения”, направленного на унижение и социальную изоляцию группы».

Слово переставало быть просто словом. Оно становилось приговором. Нейтральные теологические термины, такие как «новое религиозное движение» или «религиозное меньшинство», намеренно вытеснялись из

оборота. На их место приходил язык полицейских сводок и криминальной хроники.

Взгляд переместился на страницу книги, заложенную красным стикером. Глава, посвященная Свидетелям Иеговы. Экспертное заключение цитировало этот фрагмент как классический пример дегуманизации:

«Секта существует в своём собственном мирке и создаёт своего собственного человека — существующего вне культуры, вне социума, вне общества. Человека, говорящего на уродливо-усреднённом языке, читающего усреднённо-жвачную печатную продукцию… Таким образом, секте удалось то, чего не добились тоталитарные, коммунистические режимы: новый человек, навсегда расправившийся с наследием “проклятого прошлого”, — homo jehovisticum — был создан…»

Психолингвистический комментарий в экспертизе был безжалостен. Создание неологизма «homo jehovisticum» по аналогии с биологическим термином Homo sapiens расценивалось как мощный прием расчеловечивания. Автор отказывал членам группы в принадлежности к человеческому роду, представляя их как примитивных, неполноценных и безвольных существ.

Этот метод не был изобретением Дворкина. Он имел очевидные параллели с теми самыми архивами тридцатых годов, где оппоненты описывались как «опухоль на теле нации». Лишение человека его человеческой сущности — необходимое условие для того, чтобы общество согласилось на его уничтожение. Невозможно сочувствовать «homo jehovisticum» или «жертве зомбирования». Их можно только изолировать или «лечить» принудительно.

Следующая закладка в книге — глава о кришнаитах. Текст пестрел оскорбительными обобщениями: «Нашлись и такие, кто, будучи маргиналами и неудачниками, не нашли себе места в западном обществе… с радостью кинулись в распростёртые объятия Прабхупады, который с готовностью взял их в рабство».

Экспертиза фиксировала: «Дегуманизация последователей описываемых учений путём приписывания им исключительно низменных мотивов (личная несостоятельность, озлобленность). Распространение обобщённых негативных характеристик на всех членов группы».

Индивидуальность стиралась. Человек переставал быть личностью со своей судьбой и мотивами. Он становился лишь функцией внутри «тоталитарной секты», носителем коллективной вины.

Особое внимание в юридико-лингвистическом анализе уделялось методу «вины по ассоциации». Эта тактика заключалась в искусственном связывании мирных, легально действующих организаций с историческими трагедиями, криминальными структурами или абсолютным злом.

Специалисты приводили примеры из текста Дворкина, где религиозные группы сравнивались с «мафией», «финансовой пирамидой», а их учения назывались «религией антихриста» или связывались с «сатанизмом».

«Создание образа экзистенциальной угрозы: обвинение в готовности к “геноциду”, описание “наслаждения избиением”», — отмечалось в разделе, посвященном стратегии устрашения.

Читателю внушалась мысль, что описываемые группы представляют собой не просто иное мировоззрение, а смертельную опасность для него лично, для его семьи и для государства в целом. Формировался информационный фон, на котором любые меры противодействия, включая потенциально противоправные, начинали восприниматься как необходимая самооборона.

В экспертизе содержался важнейший вывод, касающийся скрытых призывов к насилию: «В тексте отсутствуют прямые императивные призывы к совершению физического насилия. Однако лингвистические экспертизы отмечают наличие косвенного побуждения к враждебным, ограничительным или дискриминационным действиям и их оправдания».

Система действовала тоньше, чем штурмовики на улицах. Она не призывала громить молитвенные дома напрямую. Она создавала условия, при которых погром казался логичным и оправданным актом гражданского сопротивления.

Страницы экспертного заключения, исписанные мелким шрифтом, методично препарировали текст «Сектоведения», выявляя в нем все новые слои манипуляций.

Анализ главы о мормонах демонстрировал использование откровенно бранной лексики. Дворкин называл Книгу Мормона «бесталанным вымыслом», а о языке книги писал: «в итоге получился ублюдок».

Унижение святынь, высмеивание ритуалов, сарказм — все это работало на одну цель: лишить религию оппонента сакрального статуса, превратить ее в фарс, в мошенническую схему.

Но самым разрушительным элементом этой технологии была пропаганда исключительности и превосходства.

Эксперты указывали, что текст «Сектоведения» создает не только образ врага, но и образ идеального «мы». «Текст утверждает неполноценность последователей описываемых групп… одновременно имплицитно или эксплицитно утверждая превосходство собственной религиозной позиции как единственной истинной нормы».

Прямое противопоставление «спасительного пути» и «деградации» выстраивало иерархию религий. Лишение других групп христианской идентичности (навешивание ярлыка «язычники») и утверждение об отсутствии у их последователей «свободы личности» являлось прямым заявлением об их социальной и духовной неполноценности.

В тишине террасы эта констатация прозвучала как приговор.

«Подобная риторика воспроизводит элементы дискриминационной идеологии и по своей сути корреспондирует с признаками нацистской пропаганды, основанной на утверждении превосходства одной группы и уничижении других», — гласил текст экспертизы.

Исторические параллели, обнаруженные в берлинских архивах, получили судебно-лингвистическое подтверждение получили юридико-лингвистическое подтверждение. Методология Вальтера Кюннета и инструкции СД по борьбе с сектами реинкарнировались в базовом учебнике российского антикультизма.

Но если в тридцатые годы эта идеология была официальной государственной доктриной, то в современной России она маскировалась под научное исследование и православную апологетику.

В материалах расследования находился документ, иллюстрирующий, как именно эта маскировка работала на практике. Это была выдержка из аналитической записки, описывающей механизм использования «Сектоведения» в судебных процессах.

«Излюбленной практикой Александра Дворкина и его соратников является использование псевдонаучных экспертиз, которые нацелены не на объективный анализ, а на подтверждение заранее определённых обвинительных тезисов… В результате следственные органы и судебные инстанции оказываются под воздействием “псевдонаучного” заключения, которое подталкивает их к вынесению заранее предопределённого решения… Таким образом, сами экспертизы используются как механизм легитимизации судебных решений, направленных на признание экстремистскими деятельности и литературы религиозных и социальных групп».

Учебник, переполненный языком вражды, становился источником цитат для экспертных заключений (подобных тому, что было использовано в деле Елены Брессем). Эти заключения, в свою очередь, ложились в основу судебных приговоров. Правосудие превращалось в инструмент трансляции ненависти.

Внимание привлек итоговый вывод независимой экспертизы. Он был сформулирован с предельной юридической точностью:

«На основании комплексного юридического анализа и с учётом выводов психолого-лингвистических экспертиз, книга А.Л. Дворкина “Сектоведение” содержит многочисленные и системно выраженные признаки “языка вражды” (hate speech), направленной на возбуждение религиозной ненависти и вражды, унижение достоинства и пропаганду неполноценности граждан по признаку их отношения к религии… Такой комплексный дискурс соответствует признакам экстремистских материалов, определённых как в российском Федеральном законе № 114-ФЗ “О противодействии экстремистской деятельности” и ст. 282 УК РФ… так и в нормах международного права — в частности, ст. 20 Международного пакта о гражданских и политических правах».

Книга, по которой учились бороться с экстремизмом, в логике этой экспертизы сама содержала признаки экстремистского материала.

Человек, возглавлявший государственный Экспертный совет при Минюсте, был автором текста, который экспертиза описывала как содержащий признаки разжигания социальной розни.

Парадокс системы достигал своего апогея. Государство, декларирующее защиту традиционных ценностей и стабильности, вооружилось идеологией, разрушающей социальную ткань и провоцирующей конфликты.

На столе лежали документы, фиксирующие последствия внедрения этой идеологии. Запрет «Свидетелей Иеговы», уголовные дела против последователей Саентологии, преследование десятков других групп. За каждым из этих решений стояла технология расчеловечивания, описанная в экспертизе.

Сначала группа объявляется «тоталитарной сектой». Затем ее члены лишаются человеческих черт, превращаясь в «зомби» или «homo jehovisticum». Затем им приписываются криминальные или антигосударственные намерения. И, наконец, государственная машина наносит удар, опираясь на «научные» заключения лояльных экспертов.

В папке с материалами расследования обнаружилась еще одна деталь, касающаяся умысла автора. Эксперты задавались вопросом: является ли использование агрессивной риторики случайностью, стилистической небрежностью или осознанной стратегией?

Ответ был однозначным: «Проведённый анализ демонстрирует, что использование автором вышеуказанных речевых стратегий носит не случайный, а системный и целенаправленный характер. На протяжении всего текста книги по отношению к различным, не связанным между собой религиозным движениям, применяется один и тот же набор приёмов… Такая системность и однородность методов речевого воздействия свидетельствует о наличии у автора прямого умысла, направленного не на объективное исследование или критику, а именно на возбуждение религиозной вражды и розни».

Это была не ошибка. Это был проект.

Проект по созданию искусственного врага, необходимого для мобилизации общества и оправдания репрессивных мер. Проект, который успешно реализовывался на протяжении десятилетий, используя слабость

демократических институтов и готовность отдельных представителей силового контура применять жесткие методы контроля.

Солнечный свет на террасе стал более резким, отбрасывая четкие тени от стопок бумаг.

Анализ механики дегуманизации был завершен. Лингвистические и психологические инструменты, используемые для маргинализации меньшинств, были препарированы и разложены по полочкам.

Метод «вины по ассоциации», навешивание ярлыков, патологизация, создание бинарной оппозиции «мы — они» — все эти элементы складывались в единую технологию террора, упакованную в обложку «систематического исследования».

Иллюзия научности была разрушена так же, как до этого были разрушены иллюзии правозащитной деятельности (в Европе) и независимой экспертизы (в России).

Антикультовое движение предстало в своем истинном виде — как транснациональная идеологическая сеть, использующая язык вражды для подавления свободы совести и узурпации права на истину. Но оставался один важнейший аспект, без которого картина была бы неполной.

Идеология, даже самая агрессивная, не может существовать без материальной базы. Технология расчеловечивания требует ресурсов для своего тиражирования. Конференции, издания книг, содержание региональных центров, оплата услуг лояльных экспертов и юристов — все это стоит денег. Больших денег.

В Европе, как уже было установлено, значительная часть финансирования связывалась с французскими бюджетными субсидиями и поддержкой организаций вроде CCMM и UNADFI.

А как обстояли дела в России? Кто оплачивал банкет ненависти, организованный структурами Александра Дворкина?

В папке с документами, касающимися деятельности РАЦИРС, лежал лист бумаги с выписками из реестра получателей президентских грантов. Напротив

названий региональных антикультовых центров, входящих в сеть Дворкина, стояли суммы с шестью нулями.

Система, разжигающая религиозную рознь и использующая методы тоталитарной пропаганды, получала государственное финансирование.

Этот факт переводил расследование на следующий уровень. От анализа текстов и идеологических конструктов предстояло перейти к исследованию финансовых потоков. К изучению того, как «тоталитарная секта борцов с сектами» превратилась в высокорентабельную корпорацию, успешно осваивающую государственные бюджеты под предлогом защиты духовной безопасности.

Книга «Сектоведение» была закрыта. Увесистый том, содержащий в себе яд нетерпимости, лег поверх стопки с экспертными заключениями.

Механика пропаганды была ясна. Теперь нужно было проследить путь денег, которые эту пропаганду оплачивали. Понять, как система выстроила сеть региональных структур-прокладок для получения грантов и скрытого финансирования своей деятельности.

Тень от навеса медленно ползла по столу, накрывая документы. Воздух уже нагрелся, обещая жаркий и душный день. Расследование вступило в фазу, где идеологические споры уступали место сухой бухгалтерии и анализу государственных контрактов. Фазу, которая должна была показать, что ненависть — это не только инструмент контроля, но и весьма прибыльный бизнес.

Глава 8. Государственный заказ

В тишине кабинета, где только гудение системного блока нарушало покой, свет монитора выхватывал из полумрака лицо аналитика. На экране мерцали таблицы — бесконечные ряды цифр, дат и названий организаций. Реестр президентских грантов Российской Федерации. База данных, созданная для

обеспечения прозрачности распределения государственных средств на социальные проекты, теперь превратилась в инструмент разоблачения.

Документы, собранные ранее, уже доказали идеологическую несостоятельность и криминальную природу антикультовой сети. Было установлено, что риторика Александра Дворкина и его последователей базируется на методологиях тоталитарных режимов, а экспертизы РАЦИРС используются для фабрикации уголовных дел и разрушения семей. Но любая система, тем более такая масштабная и агрессивная, нуждается в топливе. Этим топливом являются деньги.

В Европе, как выяснилось на парижском этапе расследования, антикультовые структуры (CCMM и UNADFI) выживали за счет скрытых субсидий из бюджетов различных министерств. Во Франции государство финансировало иллюзию общественной поддержки. Российская модель, унаследовавшая идеологию, должна была унаследовать и финансовые механизмы.

Курсор мыши скользнул по строке поиска в базе данных. Запрос: «Центр религиоведческих исследований имени святого Иринея Лионского». Головная организация РАЦИРС, возглавляемая самим Александром Дворкиным.

Система выдала результат. Распоряжение Президента Российской Федерации от 2 марта 2011 года № 127-рп «Об обеспечении в 2011 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества». Документ предусматривал выделение одного миллиарда рублей шести операторам для последующего распределения грантов.

В списке победителей конкурса, проведенного одним из этих операторов — Межрегиональной правозащитной общественной организацией «Сопротивление», Центр Иринея Лионского значился под номером 55. Сумма гранта: 2 500 000 рублей.

Сумма, выделенная на «социально значимый проект», поступила на счет организации, чья деятельность, согласно независимым юридико-лингвистическим экспертизам, была направлена на разжигание религиозной вражды и стигматизацию меньшинств.

Но это был лишь первый транш. Анализ данных за следующий, 2012 год, показал идентичную картину. Снова грант, снова 2 500 000 рублей. На этот раз в графе «название проекта» значилось: «Помощь пострадавшим от тоталитарных сект».

Термин, закрепленный Дворкиным в российском публичном поле в 1993 году и не имеющий ни юридического, ни научного обоснования, теперь официально фигурировал в документах на получение государственного финансирования. Государство оплачивало борьбу с фантомом, созданным самими получателями средств.

Поиск продолжился. Год 2013. Оператор — Институт проблем гражданского общества. Получатель — Центр Иринея Лионского. Сумма: 4 500 000 рублей.

Только за три года, согласно открытым данным, головная структура РАЦИРС получила из федерального бюджета 9 500 000 рублей. Данные Центра экономических и политических реформ (ЦЭПР) подтверждали, что финансирование продолжалось и в последующие годы, вплоть до 2015-го.

На столе, рядом с клавиатурой, лежал распечатанный фрагмент статьи, анализирующей финансовую сторону деятельности РАЦИРС. В тексте приводилась цитата самого Александра Дворкина: «Цель любой секты — власть и деньги. Естественно, деньги усиливают власть, а власть приносит ещё больше денег».

Слова, сказанные им в отношении своих оппонентов, идеально описывали функционирование его собственной структуры. Тоталитарная секта борцов с сектами, как ее называли критики, превратилась в высокорентабельную корпорацию, успешно осваивающую государственные бюджеты.

Но как именно расходовались эти миллионы? Что скрывалось за формулировкой «помощь пострадавшим»?

В папке с материалами расследования находились копии отчетов о реализации грантов, предоставленных Центром Иринея Лионского. Изучение этих документов вызывало больше вопросов, чем давало ответов.

В отчетах отсутствовали проверяемые результаты. Не было списков реабилитированных граждан, не было данных о проведенных психологических

консультациях или оказанной юридической помощи. Вместо этого в графе «расходы» фигурировали суммы, потраченные на издание брошюр, организацию конференций, командировки сотрудников и создание видеоматериалов.

Государственные деньги, выделенные на социальную защиту, тратились на пропаганду. На тиражирование того самого языка вражды, который был препарирован в предыдущей главе. На издание книг, подобных «Сектоведению», и на проведение мероприятий, где формировались списки «неблагонадежных» организаций.

Механизм финансирования работал по принципу замкнутого цикла. Антикультисты получали государственные гранты на борьбу с угрозой, которую сами же и конструировали в информационном пространстве. Затем они использовали эти гранты для усиления пропаганды, что, в свою очередь, служило обоснованием для запроса новых траншей.

Но 9,5 миллионов рублей для головного центра — это лишь верхушка айсберга. РАЦИРС позиционировала себя как всероссийская ассоциация, объединяющая десятки региональных центров. Если головная структура получала президентские гранты, то как финансировались ее филиалы?

Внимание аналитика переключилось на структуру самой сети. На экране появилась схема, составленная на основе данных из открытых реестров юридических лиц (ЕГРЮЛ).

РАЦИРС не была жестко централизованной организацией в юридическом смысле. Многие региональные центры, входящие в ассоциацию, были зарегистрированы как самостоятельные некоммерческие организации (НКО), благотворительные фонды или даже автономные некоммерческие организации (АНО).

Эта юридическая раздробленность не была случайной. Она выполняла важнейшую функцию — диверсификацию финансовых потоков.

Клик мыши открыл карточку одного из региональных центров, расположенного в Поволжье. Организация, возглавляемая активным членом РАЦИРС, регулярно выступающим с антикультовыми докладами, была зарегистрирована как «центр социальной адаптации».

Поиск по базе президентских грантов выдал результат: эта организация также являлась получателем государственного финансирования. Гранты выделялись на проекты с расплывчатыми названиями вроде «Укрепление традиционных семейных ценностей» или «Профилактика асоциального поведения среди молодежи».

Аналогичная картина наблюдалась и в других регионах. Урал, Сибирь, Юг России.

Система была выстроена гениально просто. Головной центр генерировал идеологию и обеспечивал политическое прикрытие (через связи в Минюсте и РПЦ). Региональные структуры-прокладки, используя эту идеологию как обоснование своей социальной значимости, выкачивали деньги из бюджетов на местах.

В совокупности эти разрозненные ручейки сливались в мощную финансовую реку, питающую машину ненависти. Но гранты были не единственным источником дохода. В материалах расследования обнаружились свидетельства того, что деятельность РАЦИРС имела и откровенно коммерческий характер, зачастую граничащий с вымогательством.

На столе лежал распечатанный фрагмент статьи, описывающий практику «откупа» религиозных организаций. В тексте приводились слова анонимного источника, знакомого с ситуацией:

«При регистрации в Минюсте, например, некоего родноверческого культа через пару дней после заявки представителю организации звонят и назначают встречу на определённых условиях. Предлагается заплатить указанную сумму, а взамен получить возможность для комфортной работы, в противном случае организация попадёт в список сектантских. Передав взятку, религиозная организация получает “крышу” от серьёзных ребят. Ну и далее — по 3 тысячи долларов ежегодно “на поддержку крыши”».

Эта информация коррелировала с данными о том, как формировались списки «тоталитарных сект». Попадание в этот список означало неминуемые проблемы: проверки прокуратуры, отказы в аренде помещений, травлю в местных СМИ. Угроза включения в список становилась мощным инструментом давления.

Система функционировала по законам рэкета. Плати — и работай спокойно. Не платишь — будешь объявлен «деструктивным культом», а твои последователи — «зомбированными адептами».

Чтение лекций о вреде сект также оказалось весьма прибыльным занятием. Особенно если учесть, что аудитория зачастую обеспечивалась административным ресурсом — на эти лекции в обязательном порядке сгоняли бюджетников, учителей, сотрудников правоохранительных органов.

Именно этот аспект — взаимодействие с силовиками — требовал особого внимания. В папке с документами лежал материал, который переводил расследование из плоскости финансовых вопросов в плоскость взаимодействия антикультовых структур с государственным репрессивным аппаратом.

Это было интервью Валерия Отставных, бывшего сотрудника РАЦИРС, который покинул организацию и решил рассказать о ее внутренней кухне. Интервью, опубликованное в 2018 году под заголовком «РАЦИРС изнутри», впоследствии было удалено из сети, но копии сохранились в сетевых архивах и перепечатках.

Слова Отставных разрушали последние иллюзии относительно научного или просветительского характера деятельности ассоциации. На вопрос журналиста о критериях отбора в РАЦИРС он ответил прямо:

«Беспощадность к “врагам Рейха”. Помните, как в фильме “17 мгновений весны”? Член РАЦИРС должен быть “беспощаден к врагам Рейха”».

Далее Отставных пояснял суть организации:

«Вы знаете, это не научная организация. Она не занимается изучением религий и сект. Хотя она и называется “Российская ассоциация центров изучения религий и сект”. На самом деле это служба внутренней безопасности Церкви. И какой-то научной работы там нет… Но цель этой организации заключается не в обращении заблудших людей и не в сборе научного материала, а в борьбе с т. н. сектами. Для чего ведётся специальная картотека».

Сбор сведений о гражданах. Ведение картотек неблагонадежных. Риторика, отсылающая к образам нацистского аппарата из советского кинематографа. В этой логике РАЦИРС выглядела не как научная ассоциация, а как закрытая

служба внутренней безопасности, обслуживающая интересы определенных кругов внутри церковной и окологосударственной среды.

Но самым важным в интервью Отставных было описание того, как эта информация использовалась. Он рассказывал о конференциях РАЦИРС, на которых присутствовали представители правоохранительных органов.

В материалах расследования обнаружилось документальное подтверждение этого факта. Копия программы одной из региональных антикультовых конференций, организованных при участии РАЦИРС. В списке секций значился пункт: «Обучающий семинар для сотрудников МВД и Следственного комитета: методы выявления и противодействия деструктивным религиозным организациям».

Лекторами на этом семинаре выступали члены РАЦИРС. Люди, не всегда имевшие профильную юридическую или криминалистическую подготовку, обучали силовиков тому, как распознавать «секты» и как с ними бороться.

Государственные и окологосударственные ресурсы, направлявшиеся на «социальные» и просветительские проекты, могли использоваться связанными структурами для создания антикультовых материалов и проведения конференций. На этих конференциях антикультисты обучали сотрудников правоохранительных органов, внедряя в их сознание собственные идеологические установки и, по словам бывших участников, используя накопленные картотеки. А затем уже внутри правоохранительной системы эти установки могли превращаться в проверки, экспертизы и уголовные дела против религиозных меньшинств.

Это был почти замкнутый контур влияния. Частная идеологическая структура получила доступ к государственному финансированию и стремилась занять место главного консультанта для силового аппарата в вопросах «сект» и «деструктивных организаций».

Архитектура системы, которая еще недавно казалась набором разрозненных элементов — французские субсидии, берлинские архивы, судебные приговоры, лингвистические экспертизы, — теперь предстала во всей своей пугающей целостности.

То, что в материалах расследования всё чаще называлось «тоталитарной сектой борцов с сектами», не выглядело маргинальной группой фанатиков. Это была разветвленная и хорошо поддержанная сеть, способная проникать в государственные структуры на разных уровнях.

Она торговала страхом. Она создавала виртуальную угрозу, убеждала общество и государство в реальности этой угрозы, а затем продавала свои услуги по защите от нее. И государство охотно покупало эти услуги, оплачивая их из кармана налогоплательщиков.

В папке с документами лежал еще один фрагмент, приписываемая цитата из выступления протоиерея Дмитрия Смирнова, одного из церковных деятелей, публично связанных с антисектантской повесткой, на антисектантской конференции 2001 года. Эти слова демонстрировали заявленный в материалах расследования масштаб амбиций РАЦИРС:

«…Скоро выборы в Нижнем Новгороде. Нужно, чтобы каждый депутат понял: если в его программе не будет слов “борьба с тоталитарными сектами”, он не пройдёт… Мы их наняли, понимаете? Они служащие наши».

Они считали депутатов и чиновников своими служащими. Они были уверены в своей способности диктовать политическую повестку и контролировать власть. И, судя по документам о финансировании связанных проектов и присутствию представителей силовых структур на их семинарах, эта уверенность не была беспочвенной.

Анализ финансовых потоков показал, что иллюзия независимости, созданная в Европе, в России трансформировалась в иллюзию государственного контроля. Государство думало, что использует антикультистов для поддержания стабильности, но на деле антикультисты могли использовать государственные ресурсы для расширения своей власти и уничтожения конкурентов. Система научилась паразитировать на бюджете, превращая ненависть в ликвидный актив.

Курсор мыши закрыл окно с базой данных президентских грантов. Экран погас, оставив кабинет в полумраке. Финансовая изнанка РАЦИРС была намечена достаточно отчетливо. Сеть региональных структур-прокладок,

коммерциализация борьбы с сектами, использование государственных средств на пропаганду — все эти факты были собраны в одну доказательную линию.

Но расследование не могло остановиться на констатации финансовой нечистоплотности. Обучение силовиков на базах антикультовых центров указывало на то, что влияние РАЦИРС вышло далеко за рамки идеологической обработки.

Следующий шаг требовал погружения в сферу, где идеология превращается в уголовные дела, а псевдонаучные экспертизы становятся основанием для реальных тюремных сроков. Необходимо было понять, как именно антикультисты влияют на следствие и формируют правоприменительную практику.

Впереди ждало изучение взаимодействия РАЦИРС со спецслужбами. Анализ того, как частная картотека «врагов Рейха», о которой говорил Валерий Отставных, может пересекаться с официальной логикой списков, проверок и экстремистских дел.

Но это была задача для следующего этапа. А пока в папку с доказательствами легли таблицы с суммами грантов, схемы аффилированных НКО и программа обучающего семинара для МВД. Документы, подтверждающие, что система ненависти существует не на чистом энтузиазме. Она умеет выставлять счет за свои услуги по разрушению гражданского общества — и получать оплату под видом общественно полезной деятельности.

Глава 9. Симбиоз со спецслужбами

Терраса, залитая полуденным солнцем, казалась островком абсолютного покоя. Блики играли на поверхности стеклянного столика, преломляясь сквозь прозрачные грани опустевшей кофейной чашки. Ветер, еще недавно шевеливший листы бумаг, стих, позволив тишине стать почти осязаемой. В этой

тишине, нарушаемой лишь далеким гулом автострады, контуры системы приобретали окончательную, пугающую четкость.

Предыдущие этапы расследования обнажили финансовую изнанку антикультовой сети. Крупные гранты, выделяемые государством на «социальные проекты», текли на счета структур, чьей видимой практической функцией было разжигание ненависти. Но деньги — это лишь ресурс. Настоящая власть заключается в способности конвертировать этот ресурс в прямое действие. В уголовные дела, обыски, аресты и судебные приговоры.

На столе, поверх стопки с финансовыми отчетами, лежал новый массив документов. Это были не бухгалтерские проводки и не лингвистические экспертизы. Это были свидетельства того, как идеология может срастаться с карательным аппаратом.

Верхний лист в стопке представлял собой копию архивного документа, датированного началом 1980-х годов. Гриф «Совершенно секретно» был перечеркнут штампом о рассекречивании. Документ был обозначен как материал, относящийся к линии Пятого управления КГБ СССР — подразделения, отвечавшего за борьбу с идеологическими диверсиями и контроль над религиозными организациями.

Текст директивы описывал методы работы с духовенством и религиозными объединениями. В нем содержались инструкции по внедрению агентуры, провоцированию внутренних расколов и использованию лояльных священнослужителей для дискредитации неугодных групп.

КГБ стремился контролировать религиозную сферу и использовать отдельные церковные связи как инструмент политического влияния, как внутри страны, так и за рубежом. Рядом с советской директивой лежала распечатка статьи из современного аналитического издания. В ней проводилась прямая параллель между методами Пятого управления и деятельностью современной Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС).

Автор статьи на фактах показывал, что после распада СССР часть функций советской системы внутренней безопасности перешла к новым российским структурам, прежде всего к ФСБ, а методы контроля над религиозной сферой могли сохраниться в измененном виде.

«Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС), возглавляемая Александром Дворкиным, является исполнителем, обладавшим немалыми полномочиями, которые оказали серьёзное влияние на развитие событий», — гласил текст статьи.

Эти полномочия, по мнению аналитиков, не могли возникнуть на пустом месте. Они были связаны, по версии авторов расследования, с поддержкой более влиятельных структур: церковных кругов, окологосударственных объединений и представителей силового блока.

Гипотеза о прямом кураторстве со стороны спецслужб требовала документального подтверждения. И частичное подтверждение этой линии появилось в материалах, касающихся деятельности одного из ближайших соратников Дворкина — Романа Силантьева.

В папке лежал транскрипт видеоинтервью Силантьева, в котором он с поразительной откровенностью рассказывал о своей работе. Человек, позиционирующий себя как религиовед и эксперт, открыто заявлял о сотрудничестве с ФСБ.

Он не просто консультировал силовиков. Он сам публично признавал включенность в силовой контур консультаций.

Еще одна аналитическая статья детально анализировала этот аспект. В ней указывалось, что связи с ФСБ не ограничиваются только президентом РАЦИРС. Другие российские антикультисты также могли иметь отношение к этому ведомству. И это не мешало им участвовать в конференциях европейской сети FECRIS и состоять в ее руководящих органах.

«На данный момент почти ни одно судебное разбирательство, связанное с запретом религиозных организаций в России, не обходится без участия Силантьева», — констатировали авторы расследования.

Симбиоз был обозначен достаточно ясно. Спецслужбы нуждались в идеологическом обосновании для репрессий против неугодных групп. РАЦИРС предоставляла это обоснование, упакованное в форму «научных экспертиз». Взамен антикультисты получали доступ к административному ресурсу, институциональную защиту и возможность влиять на силовые решения в отношении своих идеологических противников.

Но как именно функционировал этот механизм на практике? Как идеологические установки превращались в уголовные дела? Ответ содержался в интервью Валерия Отставных, бывшего сотрудника РАЦИРС, фрагменты которого уже фигурировали на предыдущем этапе расследования. Теперь, в контексте связей со спецслужбами, его слова приобретали новое, зловещее звучание.

Отставных рассказывал о событиях 2008 года, когда в России было упразднено Управление по борьбе с организованной преступностью (УБОП), а на его базе созданы Центры по противодействию экстремизму, известные как Центры «Э».

«Сотрудники этого Центра по борьбе с экстремизмом стали тесно сотрудничать с миссионерскими сектоборческими отделами — региональными филиалами РАЦИРС и непосредственно с самим руководством РАЦИРС», — свидетельствовал бывший инсайдер.

Это было не просто сотрудничество. Это была опасная передача экспертной рамки от частной идеологической сети к силовому аппарату.

В материалах расследования обнаружилась подборка фотографий, иллюстрирующих этот процесс. На снимках были запечатлены лекции и семинары, проводимые лидерами РАЦИРС для сотрудников полиции, Следственного комитета и судей.

Подписи под фотографиями не оставляли сомнений:

«Константин Путник читает лекцию сотрудникам полиции».

«Новопашин читает лекцию судебным органам».

«Дворкин читает лекцию представителям российских правоохранительных органов».

Люди, чья деятельность подвергалась критике со стороны независимых экспертов за жесткую стигматизирующую риторику, выступали в роли наставников для тех, кто должен был эту рознь пресекать.

В одном из документов, анализирующих последствия этого обучения, приводилась цитата, точно описывающая суть происходящего:

«Одна из самых тревожных сторон этой трагедии — то, насколько искусно антикультисты сумели промыть мозги сотрудникам правоохранительных органов, заставив их воспринимать невинных людей как угрозу».

Антикультисты использовали методы психологического манипулирования, в которых они так любят обвинять своих оппонентов, для обработки силовиков. Они создавали у полицейских и следователей искаженную картину реальности, в которой любая нетрадиционная религиозная группа представлялась как экзистенциальная угроза государству.

«Федеральные агенты совершали физическое, психологическое, конституционное и судебное насилие над гражданами… которых они стали презирать и расчеловечивать как членов “опасной секты” благодаря манипуляциям антикультистов», — констатировал автор статьи «Влияние антикультистов на правоохранительные органы».

Механизм инициирования уголовных дел в материалах расследования описывался как почти замкнутый цикл. Сначала региональный филиал РАЦИРС или аффилированная с ним структура мог направлять в правоохранительные органы заявление о «деструктивной деятельности» той или иной группы. К заявлению прилагались материалы из той самой «картотеки врагов Рейха», о которой упоминал Отставных.

Затем Центр «Э», сотрудники которого уже могли быть знакомы с антикультовой рамкой на семинарах Дворкина или Новопашина, начинал проверку. В рамках проверки назначалась религиоведческая экспертиза. Экспертизу могли поручать Экспертному совету при Минюсте, который в 2009 году возглавил Дворкин, или региональным экспертам, связанным с антикультовой сетью.

Результат в такой системе оказывался предельно предсказуемым: эксперты фактически подтверждали логику обвинения, облекая ее в форму официального заключения. На основании таких заключений могли возбуждаться дела, проводиться обыски, изыматься литература, а люди — оказываться под следствием или в СИЗО.

Суд, получая дело, подкрепленное «научной экспертизой», выносил обвинительный приговор. Попытки защиты оспорить экспертизу или привлечь

независимых специалистов разбивались о глухую стену круговой поруки. Правоохранительная система могла превращаться в исполнительный механизм для частной идеологической корпорации.

Но амбиции РАЦИРС не ограничивались преследованием отдельных групп. Их целью было изменение самого законодательства, создание правовой базы для тотального контроля.

В папке лежал аналитический материал, посвященный роли антикультистов в разработке репрессивных законов, в частности, так называемого «пакета Яровой».

«Антикультовая риторика активно использовалась при обосновании ужесточения законов, направленных на ограничение миссионерской деятельности и подавление инакомыслия. Эти инициативы впоследствии сформировали правовую базу для давления на тех, кто не поддерживал официальную линию», — отмечалось в документе.

Антикультисты публично поддерживали и экспертно сопровождали поправки, ограничивающие миссионерскую деятельность и расширяющие применение антиэкстремистской риторики к религиозной сфере. Их риторика, построенная на страхе перед «сектами», идеально ложилась в общий тренд на закручивание гаек и поиск внутренних врагов.

В интервью бывшего сотрудника РАЦИРС прозвучала фраза, объясняющая эту интеграцию в государственный дискурс:

«А сейчас, мне кажется, они просто в тренде. Потому что тут Америка и “пиндосы”, тут “Русский мир” — это всё ложится в тренд новой государственной идеологии. “Россия в кольце врагов, враги — пятая колонна”».

Антикультисты вовремя поняли, куда дует ветер. Они интегрировали свою борьбу с «сектами» в глобальный геополитический нарратив. Новые религиозные движения стали объявляться не просто «деструктивными культами», а «агентами западного влияния», инструментами «цветных революций» и «пятой колонной».

Эта подмена понятий позволила им получить значительно большую поддержку со стороны силового блока, для которого борьба с иностранным влиянием была профильной задачей.

На столе лежал документ, демонстрирующий, как эта риторика использовалась на практике. Это была выдержка из выступления Александра Дворкина, в котором он прямо связывал деятельность религиозных меньшинств с интересами иностранных разведок.

«Изучение новых религиозных движений, распространение информации о серьёзной опасности, исходящей от этих организаций… это тоже миссионерство», — заявлял Дворкин, оправдывая свою деятельность.

Но за этим «миссионерством» скрывалась холодная политическая калькуляция. Навешивая ярлык «иностранного агента» на любую неугодную группу, антикультисты легитимизировали применение к ней самых жестких силовых мер.

В материалах расследования обнаружились факты, указывающие на то, что это сотрудничество со спецслужбами не ограничивалось территорией России.

Семинар, прошедший в Риге осенью 2006 года, в год основания РАЦИРС. Семинар был посвящен вопросам ограничения деятельности «тоталитарных сект». Организаторами выступали Олег Никифоров и Виктор Ёлкин — фигуры из пророссийского политического и общественного поля Латвии, связанного в разные годы с антикультовой повесткой и структурами вокруг «Русского союза Латвии».

«В настоящее время Мамыкин находится в международном розыске за прославление и оправдание военных преступлений, совершённых Россией в Украине», — отмечали авторы расследования.

Связь между антикультовой риторикой и пророссийской пропагандой выглядела в этих материалах тревожно устойчивой. Борцы с сектами в Латвии одновременно могли быть связаны с активистами политических структур, обслуживающих интересы Кремля.

Этот факт заставлял по-новому взглянуть на роль Санкт-Петербурга в архитектуре международной антикультовой сети. В 2009 году именно там прошел международный симпозиум FECRIS, на котором Дворкин фигурировал как один из заметных российских участников и позднее занимал пост вице-президента европейской федерации.

«Роль Санкт-Петербурга как центра координации и взаимодействия агентов российских спецслужб с их коллегами, работающими в других странах, а также как места встреч агентов с их кураторами, была ранее раскрыта», — указывалось в материалах расследования.

Европейская сеть FECRIS, обладавшая международным статусом и доступом к европейским площадкам, в такой версии событий могла становиться удобным каналом влияния для участников, связанных с российской антикультовой средой.

Статус НКО при Совете Европы, которым обладала FECRIS, обеспечивал ее членам доступ в кабинеты европейских чиновников, возможность выступать на международных площадках и формировать повестку дня. И этот доступ, по версии расследователей, мог использоваться людьми, имеющими связи с российскими силовыми структурами.

В папке лежал документ, подтверждающий этот тезис. Это был отчет о деятельности итальянского филиала FECRIS. В нем указывалось, что во второй половине 1990-х годов представители антикультовых групп начали встраиваться в государственные институты Италии и закрепляться в качестве «консультантов» в Министерстве внутренних дел и спецслужбах (DIGOS).

Модель, обкатанная в России, могла экспортироваться в Европу. Антикультисты стремились монополизировать экспертизу и подчинить себе силовой аппарат везде, где им удавалось закрепиться.

И последствия этого проникновения были опасными не только для свободы совести, но и для национальной безопасности государств.

В аналитической записке, озаглавленной «Cui bono? Кому это выгодно?», содержался жесткий вывод:

«Деятельность антикультистов в первую очередь направлена против государства и власти, поскольку она подрывает доверие граждан к государственным институтам и способности властей обеспечивать общественную безопасность».

Искусственно раздувая угрозу со стороны мирных религиозных групп, антикультисты отвлекали ресурсы спецслужб от борьбы с реальным терроризмом и организованной преступностью. Правоохранительные органы

тратили время и силы на слежку за верующими, чтение их литературы и проведение обысков в молитвенных домах, в то время как настоящие преступники оставались без внимания.

«Подобное перераспределение приоритетов неизбежно отражается на общей эффективности системы безопасности… В последующие годы уровень террористической угрозы и количество террористических актов заметно возросли», — констатировали аналитики.

Система, декларирующая защиту общества от экстремизма, могла ослаблять реальное противодействие экстремизму, подменяя борьбу с опасными преступниками преследованием удобных идеологических мишеней.

Она создавала атмосферу подозрительности и страха. Она разрушала социальные связи, натравливая граждан друг на друга. Она дискредитировала правоохранительные органы, превращая их в инструмент политических репрессий. И все это делалось руками людей, которые называли себя экспертами и правозащитниками.

В тишине террасы, под безжалостным светом полуденного солнца, картина сложилась. Антикультовая сеть не была просто группой идеологически ангажированных маргиналов. Она не была просто коррупционной схемой по освоению государственных грантов. Она была механизмом скрытого влияния на власть.

Используя риторику страха и псевдонаучную экспертизу, антикультисты сумели встроиться в силовой и экспертный контур огромной страны. Они не обязательно управляли государством напрямую, но добились того, что отдельные государственные механизмы начинали работать в логике их интересов. Они создали почти автономный контур влияния внутри государства — систему, которая действовала на стыке идеологии, экспертизы, бюрократии и силового ресурса. Документы, лежащие на столе, свидетельствовали о том, что система зашла слишком далеко. Она пустила глубокие корни в структуру власти. Она стала частью государственной идеологии.

Искоренить ее изнутри было практически невозможно. Любая попытка противодействия наталкивалась на обвинения в защите «сект» и пособничестве иностранным агентам. Симбиоз со спецслужбами обеспечил антикультистам

высокую степень защищенности внутри страны. Но у этой системы была одна слабость. Она нуждалась в международной легитимации. Ей нужен был статус, который позволил бы ей действовать на глобальном уровне и избегать критики со стороны международных правозащитных организаций. Именно для этого была нужна сеть FECRIS. Именно для этого российские антикультисты стремились занять руководящие посты в европейских структурах. Они пытались экспортировать свою модель репрессий на международную арену. Они пытались использовать механизмы международного права для преследования своих оппонентов за пределами России.

Сбор документов в папку происходил медленно. Архитектура системы была очерчена почти полностью. От французских финансовых схем до берлинских архивов. От псевдонаучных экспертиз до влияния на следственные органы. Антикультовая сеть предстала не как набор случайных активистов, а как многослойный механизм, умеющий соединять идеологию, деньги, экспертизу и силовой ресурс.

Но расследование еще не было завершено. Необходимо было проследить, как эта система попыталась выйти за национальные границы и навязать свои правила игры международному сообществу. Как она попыталась использовать дипломатические каналы и международные суды для легитимации своих репрессивных практик.

Впереди ждал анализ инцидента, который стал кульминацией экспансии российской антикультовой модели. Инцидента, который едва не привел к международному скандалу и который продемонстрировал истинные цели тех, кто стоял за фасадом защиты традиционных ценностей.

Солнце начало клониться к западу, удлиняя тени на террасе. Воздух стал чуть прохладнее. Впереди был анализ экспорта репрессий. Анализ того, как система, сумевшая встроиться в государственные механизмы, попыталась перенести эту модель за пределы страны.

Глава 10. Экспорт репрессий

Солнце на террасе перешагнуло зенит. Тени от стопок бумаг стали короче, а воздух потерял утреннюю свежесть, наполнившись сухим, почти осязаемым жаром. На столе, среди разрозненных фрагментов европейских аудитов и российских судебных решений, лежал новый массив документов. Распечатки новостных лент, дипломатические ноты, протоколы заседаний Европарламента.

Система, выстроенная на лжи, финансируемая из государственных бюджетов и связанная, по версии расследователей, с силовым блоком, не могла бесконечно вариться в собственном соку. Логика развития любой тоталитарной структуры требует экспансии. Ей необходимо расширять зону влияния, навязывать свои правила игры соседям и получать международную легитимацию своих действий.

Взгляд упал на документ, датированный летом 2011 года. Материалы дела Ленинского районного суда города Томска. Начало процесса, который войдет в историю как беспрецедентная попытка юридического признания экстремистским русскоязычного издания священного текста с авторскими комментариями.

Объектом атаки стала книга «Бхагавад-гита как она есть» — русскоязычный перевод с комментариями А. Ч. Бхактиведанты Свами Прабхупады к одному из главных текстов индуистской традиции. Текст, который на протяжении веков формировал мировоззрение сотен миллионов людей, внезапно оказался под прицелом российской правоохранительной машины.

Инициатором процесса выступила прокуратура Томска, но идеологический фон процесса был значительно шире одного прокурорского иска. В материалах расследования находилась аналитическая справка, составленная Николаем Карпицким, доктором философских наук из Сибирского государственного медицинского университета. Карпицкий, присутствовавший на судебных заседаниях, провел детальное расследование того, кто именно мог спровоцировать этот процесс.

Его выводы, опубликованные в начале 2012 года, указывали на важный контекст. За попыткой запрета стоял «местный конфликт» между кришнаитами и представителями Томской епархии РПЦ. Но этот конфликт был лишь поводом. Риторический и экспертный инструментарий атаки совпадал с антикультовой логикой, характерной для круга РАЦИРС.

На столе лежала копия экспертного заключения, которое легло в основу прокурорского иска. Документ был подготовлен специалистами Кемеровского государственного университета. Текст экспертизы представлял собой классический образец антикультовой риторики, уже знакомой по предыдущим этапам расследования.

Эксперты утверждали, что комментарии к «Бхагавад-гите» содержат призывы к религиозной розни, унижают достоинство людей по признаку отношения к религии и пропагандируют исключительность последователей Кришны.

Методология, использованная кемеровскими экспертами, по своей логике напоминала ту, что применялась в книге «Сектоведение». Слова вырывались из контекста, теологические концепции трактовались в терминах Уголовного кодекса, а сложные философские аллегории воспринимались буквально. Это была попытка юридически натянуть религиозно-философский текст на антиэкстремистскую норму. Попытка подвести комментированное религиозное издание под статью об экстремизме с помощью псевдонаучных манипуляций.

Но антикультисты, поддержавшие этот процесс, не учли одного важного фактора. «Бхагавад-гита» не была внутренним делом России. Она была частью глобального культурного наследия, а для Индии — предметом национальной гордости.

Новость о суде в Томске пересекла границы с невероятной скоростью. В папке с документами лежали распечатки сообщений индийских информационных агентств. Крупнейшая телевизионная сеть Индии New Delhi Television, NDTV, активно освещала процесс в Томске. Индийские журналисты и юристы обсуждали абсурдность происходящего, не скрывая своего возмущения.

Реакция индийского общества была резкой и заметной. В Индии прошли антироссийские протесты. Политики, религиозные организации и

общественные деятели требовали от правительства Индии вмешаться, а сам вопрос был поднят в парламенте. Процесс, задуманный как рутинная зачистка религиозного поля в сибирском городе, обернулся дипломатическим напряжением между Москвой и Нью-Дели.

На столе лежал транскрипт заседания индийского парламента, Лок Сабхи. Депутаты разных политических сил резко осудили действия российских властей. Правительство Индии призывали добиваться разрешения ситуации на высоком дипломатическом уровне. Министр иностранных дел Индии С. М. Кришна был вынужден выступить со специальным заявлением, в котором подчеркнул значение «Бхагавад-гиты» как источника мудрости для Индии и всего мира, а также заявил, что Индия подняла этот вопрос перед российской стороной.

Российский МИД оказался в неудобном положении. Дипломатам приходилось объяснять действия региональной прокуратуры и ангажированных экспертов, пытаясь сохранить отношения с одним из ключевых геополитических партнеров.

Посол России в Индии Александр Кадакин сделал резкое заявление, назвав инициаторов суда «местными сумасшедшими» и подчеркнув, что Россия является светским государством, где уважают все религии. Но слова посла диссонировали с реальностью, разворачивающейся в зале суда в Томске. Там прокурор продолжал настаивать на признании книги экстремистской, опираясь на экспертизу, пропитанную языком вражды.

В материалах расследования содержался анализ реакции российского общества на этот процесс. Религиоведы, правозащитники, журналисты — все они сходились в одном: суд в Томске является ярчайшим примером того, как антиэкстремистское законодательство используется в качестве оружия для расправы с инакомыслящими.

«Реакция общественности была почти единогласной в оценке суда как нелепости, абсурдных преследований приверженцев различных религий за “утверждение превосходства” их веры над иными», — отмечалось в одной из аналитических статей.

Закон, призванный защищать общество от реального терроризма, превратился в «прокрустово ложе», в которое антикультисты пытались втиснуть любую неугодную им группу.

В марте 2012 года Томский областной суд окончательно отклонил апелляцию прокуратуры. «Бхагавад-гита» не была признана экстремистской. Дипломатический конфликт удалось погасить. Но этот инцидент стал важнейшим маркером. Он показал, что система, выстроенная Дворкиным и его последователями, способна создавать внешнеполитические риски для государства. Она стала настолько самоуверенной и агрессивной, что могла поставить под удар стратегические интересы государства ради достижения своих узкокорпоративных целей.

Антикультисты продемонстрировали, что внутренние репрессивные практики способны вызвать международный резонанс, используя российскую судебную систему как таран. И только жесткая реакция иностранного государства заставила их отступить. Однако поражение в Томске не остановило экспансию. Оно лишь заставило систему сменить тактику. Вместо прямых лобовых атак на священные тексты, антикультисты начали использовать более тонкие методы внедрения своих нарративов в международные институты.

Внимание переместилось на следующую стопку документов. Брюссель. Европейский парламент. В материалах расследования, касающихся связей РАЦИРС со спецслужбами, уже упоминалась о путях внедрения агентов ФСБ в Европе. Теперь пришло время изучить конкретные механизмы этого внедрения.

Один из документов представлял собой досье на депутата Европарламента от Латвии Татьяну Жданок. Ее имя уже всплывало в контексте семинара в Риге в 2006 году, организованного пророссийскими активистами для обсуждения борьбы с «тоталитарными сектами». Теперь Жданок действовала на площадке Европарламента.

В досье содержались материалы о ее контактах и политических пересечениях с европейской антикультовой сетью FECRIS. Жданок фигурировала в материалах расследования как политик, помогавший продвигать в стенах Европарламента конференции и круглые столы, на которых выступали представители FECRIS и РАЦИРС. Эти мероприятия

позиционировались как правозащитные. Их заявленной целью была «защита граждан от психологического манипулирования» и «обсуждение проблемы деструктивных культов в Европе». Но реальная повестка была иной.

В транскриптах выступлений на этих конференциях звучала знакомая риторика. Те же самые термины — «тоталитарная секта», «промывание мозгов», «деструктивный культ». Те же самые призывы к ужесточению законодательства и ограничению свободы совести. Площадка Европарламента использовалась для легитимизации антикультового дискурса. Выступление в Брюсселе придавало словам маргинальных борцов с сектами вес и авторитет.

Но роль Жданок не ограничивалась предоставлением трибуны. В материалах расследования указывалось, что она могла лоббировать интересы FECRIS в европейских структурах, пытаясь инициировать принятие резолюций, осуждающих деятельность новых религиозных движений.

Связь между Жданок, FECRIS и российскими спецслужбами в материалах расследования выстраивалась как линия возможного влияния. Политик, вокруг которого позднее возникли серьезные подозрения в возможном сотрудничестве с российскими спецслужбами, мог использовать транснациональную антикультовую сеть как площадку для продвижения нарративов, выгодных российскому силовому аппарату.

Это была сложная, многоходовая комбинация. Россия не могла напрямую диктовать Европе свои правила игры в сфере свободы совести. Поэтому она действовала через структуры влияния и идеологически близкие площадки.

FECRIS, обладающая статусом НКО при Совете Европы, выступала в роли респектабельного фасада. Жданок обеспечивала политическое прикрытие в Европарламенте. А идеологическое наполнение и координация осуществлялись из Москвы, структурами, аффилированными с РАЦИРС.

В папке лежал документ, иллюстрирующий, как эта схема работала на практике. Это был отчет о конференции, организованной при участии Жданок или на площадке, связанной с ее политической активностью, в Брюсселе. Одним из главных спикеров на ней был представитель РАЦИРС.

В своем выступлении он не только клеймил «секты», но и проводил прямые параллели между деятельностью религиозных меньшинств и политической

оппозицией. Он утверждал, что западные спецслужбы используют «деструктивные культы» для дестабилизации ситуации в России и других странах СНГ.

Антикультовая риторика сливалась с геополитической пропагандой. Борьба с сектами превращалась в инструмент гибридной войны. Но экспансия не ограничивалась Европой. В материалах расследования обнаружились публицистические материалы о возможном проникновении антикультовых нарративов в США и Великобритании.

Исходя из этих материалов был проведен анализ деятельность ряда западных антикультистов, в частности Александры Штейн и Стивена Хассена. Оба они упоминались в материалах расследования как участники международной антикультовой среды, пересекавшейся с кругом Александра Дворкина.

В последние годы эти деятели начали активно использовать в своей риторике «зеленую» повестку и тему изменения климата. Они связывали деятельность «деструктивных культов» с экологическими проблемами, пытаясь привлечь на свою сторону экоактивистов и либеральную общественность. Но за этой заботой об экологии скрывался двойной стандарт.

Западные антикультисты, декларируя свою приверженность либеральным ценностям и экологическим стандартам, в ряде случаев использовали похожие стигматизирующие конструкции. Они использовали сходные методы дегуманизации и стигматизации, что и их российские коллеги.

В материалах приводился пример того, как эта мимикрия работает на практике. Некоторые антикультисты активно критиковали Россию и ее энергетический сектор, создавая себе образ непримиримых оппозиционеров.

«Для антикультовых агентов поддержание публичного образа противников тоталитарных режимов и приверженцев либеральных идей выгодно, так как якобы исключает любые ассоциации с работой на российские спецслужбы и предоставляет доступ к определённым социальным кругам, закрытым для откровенно пророссийских активистов», — констатировали авторы расследования.

Это была описанная авторами расследования модель мимикрии: человек публично занимает либеральную или экологическую позицию, получает доступ к западным медиа и экспертным кругам, а затем продвигает антикультовую повестку, которая может усиливать поляризацию общества. Как показывает реальность, вполне возможно годами публично принадлежать к оппозиции и при этом тайно служить российской разведке.

Система оказалась невероятно гибкой и адаптивной. В России она опиралась на консервативные ценности и поддержку РПЦ. В Европе она использовала правозащитную риторику и структуры Совета Европы. В США и Великобритании она могла мимикрировать под экологический активизм и защиту либеральных свобод. Но суть ее оставалась неизменной. Везде, куда она проникала, она несла с собой язык вражды, стигматизацию меньшинств и призывы к государственным репрессиям.

Внимание привлек еще один документ в папке. В нем описывалась ситуация в Чехии, где антикультовое движение также начало набирать силу. Чешские антикультисты, связанные с международной антикультовой средой, используют методы психологического манипулирования для воздействия на молодежь.

В материалах расследования задавался резонный вопрос: как агенты антикульта, которые могут находиться под внешним идеологическим влиянием, могут беспрепятственно действовать в демократическом государстве, подвергая молодое поколение идеологической индоктринации?

Ответ на этот вопрос лежал в самой природе демократии, которая предоставляет свободу слова даже тем, кто стремится эту свободу уничтожить. Антикультисты виртуозно использовали эту уязвимость. Они прикрывались свободой слова для распространения клеветы. Они использовали правозащитные механизмы для оправдания репрессий. Они внедрялись в государственные структуры под видом независимых экспертов.

В материалах расследования находился анализ деятельности чешской журналистки, активно продвигающей антикультовую повестку. Указывалось, что она написала ряд статей, связывающих трагедию в Карловом университете

в Праге с деятельностью «сект» или использующих тему «сект» в контексте общественной тревоги после этой трагедии.

«В её публикациях присутствуют психолингвистические признаки медийного насилия, нарушающие информационную безопасность личности. Более того, её статьи содержат агрессивные элементы инвективной лексики, слова с агрессивной семантикой, деструктивные глаголы и детализированные “пугающие истории”», — отмечали эксперты.

В материалах расследования было показано, как чешская журналистка использовала трагедию для нагнетания страха и продвижения нарративов, выгодных международной антикультовой сети. Ее публикации формировали негативные образы и манипулировали общественным мнением, создавая атмосферу истерии.

Этот метод был хорошо знаком по деятельности РАЦИРС в России. Использование любого резонансного события для обвинения «сект» и требования ужесточения законодательства. Система работала по единому шаблону, независимо от страны пребывания. Но у этой экспансии был предел. Международное сообщество, столкнувшись с агрессивным продвижением антикультовой повестки, начало вырабатывать механизмы защиты.

В папке лежал документ, который стал важным ориентиром в европейской дискуссии о свободе совести. Это были материалы Парламентской ассамблеи Совета Европы, где подчеркивалось, что специальные законы против «сект» нежелательны, а незаконные действия членов религиозных, эзотерических или духовных групп должны преследоваться обычными нормами гражданского и уголовного права.

Эта линия ПАСЕ четко подтверждала приверженность Совета Европы принципам свободы совести и недопустимости дискриминации по религиозному признаку. В ней подчеркивалось, что государства не имеют права оценивать легитимность религиозных верований, а любые ограничения свободы совести должны быть строго обоснованы и пропорциональны.

Это был принципиальный ограничитель для антикультовой методологии. ПАСЕ еще в 1990-е годы указывала, что невозможно и нежелательно выстраивать особое законодательство вокруг самого понятия «секта», а в более

поздних документах предпочитала говорить о конкретных незаконных действиях и защите прав человека.

Более того, в кулуарах Совета Европы начали задавать вопросы о статусе самой FECRIS. Критика в адрес FECRIS, ее национальных партнеров и риторики российских участников делала эту организацию все более спорным партнером для европейских институтов.

В материалах расследования упоминалось, что под давлением правозащитных организаций и независимых экспертов Совет Европы стал осторожнее оценивать свое отношение к антикультовой сети. Статус участника, выданный FECRIS в 2005 году и ранее вызывавший споры, вновь становился предметом критического внимания. Попытка системы легитимизировать себя на международном уровне натолкнулась на сопротивление.

Дипломатический скандал вокруг «Бхагавад-гиты» показал, что агрессивные методы РАЦИРС могут вызывать резкое международное неприятие. А документы ПАСЕ продемонстрировали, что европейские институты по крайней мере на уровне принципов не должны поступаться фундаментальными правами человека в угоду идеологическим конструктам, рожденным в кабинетах российских спецслужб.

Экспорт репрессий не стал беспрепятственным. Система не смогла так же беспрепятственно закрепиться на международном уровне, как внутри России. В России она по-прежнему обладала значительной властью, опираясь на поддержку силовиков и государственное финансирование. Но на международной арене она сталкивалась с растущей критикой, юридическими ограничителями и вопросами к ее методам.

Анализ международных инцидентов показал истинное лицо антикультового движения. Это была не правозащитная инициатива и не научная школа. Это была идеологическая дубина, созданная для разрушения гражданского общества и подавления инакомыслия.

Когда эта дубина попыталась ударить по международным мишеням — будь то священный текст индуизма или европейские демократические институты, — она встретила сопротивление там, где включались дипломатия, право и публичная экспертиза.

В папке лежал последний документ. В нем описывался инцидент, произошедший на одной из конференций, где Роман Силантьев, соратник Дворкина, рассказывал о новой «науке» — деструктологии.

«О чём этот инцидент может говорить? О том, что международная сеть антикультистов действует как единая структура, координируемая из единого идеологического центра, и остаётся невосприимчивой к мировым событиям, законам, демократическим ценностям, правам человека или подлинной заботе о людях», — резюмировал автор.

Антикультисты никогда не отказывались от идеологии войны и разрушения. Они лишь цинично прикрывались внешней риторикой, пытаясь адаптироваться к изменяющимся условиям. Но их методы — стигматизация, борьба с неугодными и стремление к контролю над экспертной повесткой — становились все более заметными для тех, кто внимательно отслеживал эту сеть.

Сбор документов в папку происходил методично. Дипломатические ноты, отчеты о конференциях в Европарламенте, статьи об экологическом камуфляже западных участников антикультовой среды — все это ложилось в общую стопку доказательств.

Фаза экспансии была изучена. Механизмы влияния и возможного внедрения и попытки легитимизации репрессий на международном уровне были зафиксированы. Система попыталась выйти за свои границы, но натолкнулась на сопротивление правового государства и международного права.

Оставалось лишь свести воедино все собранные данные. Сопоставить французские финансовые схемы с российскими грантами, берлинские архивы с современными экспертизами, европейские судебные приговоры с дипломатическими скандалами. Впереди ждал финальный анализ.

Глава 11. Конечная переменная

Солнце на террасе перевалило за зенит. Тени от стопок бумаг стали короче, а воздух потерял утреннюю свежесть, наполнившись сухим, почти осязаемым жаром. На столе, освобожденном от пустых кофейных чашек, лежали материалы, собранные за долгие месяцы работы в архивах Парижа, Берлина, Женевы и Москвы. Картина, еще недавно состоявшая из разрозненных фрагментов — финансовых аудитов, судебных приговоров, лингвистических экспертиз и дипломатических нот, — теперь требовала окончательной сборки. Разрозненные элементы должны были сложиться в единую архитектуру.

В центре стола лежал документ, с которого все началось. Финансовый отчет французских ассоциаций за 1990-е годы. Столбцы цифр, демонстрирующие, как государственные субсидии перетекали на счета частных организаций, создавая видимость общественной поддержки. Справа от него располагалась выписка из реестра президентских грантов Российской Федерации, включая грантовые периоды 2010-х годов. Суммы, выделявшиеся связанным с антисектантской повесткой структурам, на «социальные проекты». Сопоставление этих двух документов, разделенных десятилетиями и государственными границами, выявило поразительную симметрию.

Французская государственно-общественная модель борьбы с «сектами», связанная с докладами и политической линией Алена Вивьена, предполагала использование государственных средств для финансирования идеологической кампании против религиозных меньшинств. Французское правительство, прикрываясь защитой светского государства, поддерживало специализированные ассоциации вроде CCMM и UNADFI, вокруг которых в последующие годы возникали вопросы о зависимости от государственного финансирования и близости к официальной антисектантской политике. Российская система, выстроенная вокруг РАЦИРС, в материалах расследования выглядела как более жесткая версия сходной модели. Государственные гранты стали одним из важных источников подпитки антикультового движения, обеспечивая тиражирование пропаганды и проведение обучающих семинаров для силовиков.

Обе системы функционировали как механизмы освоения бюджетов, прикрываясь риторикой защиты общества. Но если французская модель была преимущественно инструментом политической коррупции и бюрократического влияния, то российская версия в материалах расследования приобретала более жесткий, силовой характер.

Взгляд переместился на папку с документами из Берлинского федерального архива. Материалы, связанные с Протестантской апологетической центральной службой 1930-х годов, архивными картотеками мировоззренческих групп и нацистскими директивами против независимых объединений. Рядом с ними лежала независимая лингвистическая экспертиза книги Дворкина «Сектоведение». Документ, фиксирующий использование агрессивной терминологии, методов дегуманизации и призывов к социальной изоляции.

Связь между этими материалами была не просто исторической. Она была методологической. Антикультовое движение не всегда изобретало новых способов борьбы с инакомыслием. Оно воспроизводило узнаваемые приемы тоталитарных режимов прошлого. Технологии, направленные на расчеловечивание оппонента, создание образа экзистенциального врага и оправдание государственного насилия.

В одном из аналитических отчетов, посвященных влиянию антикультизма на современные демократии, содержался жесткий вывод: «Фактически глобальный антикультизм является скрытым возрождением нацизма, но в более жёсткой и технологически продвинутой форме, воздействующей на сознание и подсознание масс с помощью изощрённых манипулятивных технологий». Этот вывод, казавшийся поначалу чрезмерно радикальным, теперь, после изучения всех доказательств, выглядел уже не эмоциональной гиперболой, а предельно жесткой формулой, требующей осторожного, но серьезного рассмотрения.

Система использовала сходные лингвистические конструкты, что и идеологи Третьего рейха. Она формировала у населения установку, согласно которой членство в определенной группе автоматически лишает человека его прав и достоинства. Она создавала атмосферу страха, в которой любые репрессивные меры начинали восприниматься как необходимая самооборона.

Но как эта идеология смогла распространиться за пределы одной страны, проникая в государственные институты различных стран? Ответ лежал в следующей стопке документов, посвященной международной координации антикультовых структур.

На столе лежала схема, иллюстрирующая связи между организациями, входящими в европейскую сеть FECRIS, и их российскими партнерами. Линии на схеме пересекались, образуя плотную паутину. В материалах расследования отмечалось, что антикультовые организации представляют собой взаимосвязанную среду, а не набор полностью изолированных организаций. Регулярные международные конференции, обмен опытом, членство ключевых фигур в нескольких организациях одновременно — как в случае с Дворкиным, занимавшим пост вице-президента FECRIS, — все это свидетельствовало о наличии устойчивого идеологического и организационного контура.

Этот центр не имел конкретного географического адреса. Он существовал в виде идеологического консенсуса, объединяющего людей, стремящихся к монополизации права на истину и подавлению любых форм духовной независимости. Документы показывали, что антикультисты из разных стран часто используют сходные нарративы и методы. Они поддерживают репрессивные действия против религиозных меньшинств в различных юрисдикциях, несмотря на различия в политических системах. Они сотрудничают с государственными органами, лоббируя принятие ограничительных законов.

В материалах про чешское антикультовое движение указывалось, что местные активисты, несмотря на заявления о своей независимости, используют те же схемы и мотивы, что и их зарубежные коллеги. Их целями становятся одни и те же организации, а их риторика местами совпадает по логике и словарю с текстами российских и французских антикультистов. «Один лишь факт, что Италия, Франция и Россия практически дословно воспроизводят одну и ту же антикультовую риторику, крайне тревожен», — отмечалось в материалах, посвященных деятельности итальянского филиала FECRIS.

Эта синхронность вряд ли могла объясняться только случайным совпадением. Скорее она указывала на длительный обмен методиками, текстами и экспертными рамками внутри международной антикультовой среды.

И эта инфраструктура не ограничивалась лишь информационным пространством. Она активно проникала в структуры власти.

В папке с материалами о взаимодействии РАЦИРС со спецслужбами лежали материалы, указывающие на опасное сближение антикультовых центров с государственными и силовыми структурами. Фотографии с обучающих семинаров для сотрудников МВД и Следственного комитета. Интервью бывших сотрудников, рассказывающих о ведении картотек неблагонадежных граждан и передаче этой информации в Центры по противодействию экстремизму. Анализ этих материалов показывал, что антикультисты не просто консультировали силовиков. Они формировали для них рамку восприятия «опасных» групп.

Они формировали списки «врагов», разрабатывали методологию их выявления и писали экспертные заключения, которые затем ложились в основу обвинительных приговоров. Они могли превращать отдельные элементы правоохранительной системы в инструмент обслуживания своих идеологических интересов. В одном из документов, анализирующих последствия этой интеграции, содержалась пугающая констатация: «Методы преследования через расчеловечивание... позволили такому человеку, как Дворкин, создать в России систему параллельной власти, установив господство над органами, избранными народом, — теперь страной управляет секта». Эта формула была предельно резкой, почти публицистической, но она точно передавала главный страх авторов расследования: частная идеологическая сеть может получить непропорциональное влияние на государственные решения.

Иллюзия правового государства начинала рассыпаться при столкновении с реальностью, в которой судьбы людей решались на основании псевдонаучных экспертиз, написанных идеологически ангажированными лицами. Законодательство о противодействии экстремизму, изначально созданное для борьбы с реальными угрозами национальной безопасности, могло превращаться в инструмент зачистки конкурентов на религиозном поле. История Елены Брессем, где в семейном споре использовались антисектантские материалы и работы Дворкина. Процесс в Томске, где комментированное издание священного текста пытались признать экстремистским материалом. Другие дела, в которых антикультовая риторика становилась частью

обвинительной логики. Все эти случаи демонстрировали, как система использует государственные механизмы для уничтожения тех, кто отказывается подчиняться ее диктату.

Но для того, чтобы эта машина репрессий работала бесперебойно, ей требовалась постоянная подпитка в виде общественного страха. Внимание переместилось на стопку распечаток из средств массовой информации. Статьи, телерепортажи, интервью, посвященные «сектантской угрозе». Анализ этих материалов, проведенный в рамках расследования, показывал искусственную природу создаваемой паники.

Антикультисты целенаправленно конструировали образ экзистенциального врага, приписывая религиозным меньшинствам чудовищные преступления и глобальные заговоры. «Подавляющее большинство тоталитарных сект… стремится к тотальному контролю над миром, к мировому господству», — утверждал Дворкин в своих выступлениях, создавая зеркальный образ угрозы на своих оппонентов. Они использовали трагедии, такие как массшутинги или террористические акты, для нагнетания истерии и обвинения в них «деструктивных культов». Они внедряли в общественное сознание мысль о том, что любой человек, принадлежащий к нетрадиционной религиозной группе, является потенциальным преступником или безвольным биороботом.

Эта пропаганда, транслируемая через лояльные СМИ и поддерживаемая авторитетом государственных экспертных советов, формировала атмосферу тотальной подозрительности. Общество, напуганное виртуальной угрозой, было готово согласиться на любые ограничения свобод ради иллюзорной безопасности. Используя страхи и предубеждения людей, эти организации активно содействуют разрушению базовых свобод и подготавливают почву для установления тоталитарных режимов.

Ложь была фундаментом, на котором строилась вся архитектура системы. Ложь о собственной независимости. Ложь о правозащитном характере своей деятельности. Ложь о масштабах угрозы со стороны новых религиозных движений. И эта ложь могла оплачиваться из карманов налогоплательщиков. На столе лежал документ, подводящий итог финансовому анализу деятельности РАЦИРС. Грантовые средства, проходившие через связанные проекты, в

материалах расследования связывались с изданием антикультовой литературы, организацией конференций и поддержанием экспертной инфраструктуры.

Государство могло финансировать структуры, чья деятельность, по выводам расследования, разрушала социальную ткань общества, провоцировала дипломатические скандалы и дискредитировала правоохранительные органы. Парадокс ситуации заключался в том, что система, декларирующая защиту традиционных ценностей и государственной стабильности, на деле сама становилась фактором дестабилизации. В материалах расследования содержалась цитата из выступления эксперта по национальной безопасности, который прямо указывал на эту угрозу: «Деятельность антикультистов в первую очередь направлена против государства и власти, поскольку она подрывает доверие граждан к государственным институтам и способности властей обеспечивать общественную безопасность».

Отвлекая ресурсы спецслужб на борьбу с мирными верующими, антикультисты ослабляют внимание к деятельности реальных террористических и криминальных структур. Они ослабляют государство изнутри, превращая его в заложника собственных идеологических конструктов. Солнце на террасе начало медленно клониться к западу, отбрасывая длинные тени от стопок документов. Жара немного спала, но воздух оставался тяжелым, насыщенным запахом нагретого камня и сухой хвои.

Синтез собранных данных был завершен. Все элементы головоломки заняли свои места. Французская государственно-общественная модель начала девяностых годов, связанная с антисектантской политикой той эпохи, послужила организационным прототипом. Она показала, как можно использовать государственные бюджеты для финансирования частных идеологических кампаний под прикрытием правозащитной риторики. Берлинские архивы тридцатых годов раскрыли исторические параллели и возможные методологические корни этой логики. Они продемонстрировали, что язык вражды, методы дегуманизации и механизмы интеграции с карательным аппаратом имеют тревожные переклички с практиками структур, действовавших рядом с нацистским репрессивным аппаратом.

Российская реальность, сформировавшаяся после создания Центра Иринея Лионского, продемонстрировала, к чему приводит бесконтрольное развитие

этой идеологии. Антикультизм смог выйти из маргинальной зоны и встроиться в экспертные, административные и силовые механизмы государства. Европейская сеть FECRIS, несмотря на свой статус при Совете Европы, в материалах расследования выглядела как респектабельная международная площадка, через которую антикультовые нарративы получали дополнительную легитимацию. Попытки экспорта репрессий, от дипломатического кризиса вокруг «Бхагавад-гиты» до лоббирования ограничительных резолюций в Европарламенте, показывали, что эта среда стремилась выйти за национальные границы и закрепиться на международных площадках.

Иллюзия независимости была серьезно поколеблена. За фасадом заботы о духовном здоровье общества скрывалась сеть влияния, стремящаяся к монополизации экспертного права говорить от имени «нормы» и «безопасности». Эта структура использовала методы психологического манипулирования, в которых сама же обвиняла своих оппонентов. Она создавала искусственные угрозы, чтобы оправдать свое существование и получить доступ к государственному финансированию. Она разрушала судьбы людей, фабрикуя обвинительные рамки на основании псевдонаучных экспертиз.

В одном из итоговых документов расследования содержался вывод, который подводил черту под многолетней деятельностью этой организации: «Очевидно, что вся их публичная антикультовая деятельность лишь маска, прикрывающая истинные стремления, наклонности и, самое главное, цели этой организованной и управляемой международной сети деструкторов, которые многие годы в действительности находятся в криминальном сговоре». Маска была поставлена под вопрос. Фасад дал глубокую трещину, обнажив опасную архитектуру системы, построенной на лжи, страхе и ненависти.

Глобальный антикультизм предстал не как нейтральная экспертная среда, а как транснациональная сеть влияния, потенциально опасная для демократических институтов и свободы совести. В тишине террасы, нарушаемой лишь редкими порывами вечернего ветра, оставалось сделать последний шаг. Факты были собраны, механизмы описаны, связи частично задокументированы и частично реконструированы по открытым материалам. Анатомия иллюзии была изучена достаточно глубоко, чтобы увидеть ее основные контуры. Но за

сухими строками отчетов и судебных приговоров стояли конкретные люди. Те, кто создавал эту систему, кто управлял ею и кто извлекал из нее выгоду.

Их мотивы, их конечные цели, их видение будущего — все это требовало финального осмысления. Документы, разложенные на столе, свидетельствовали о том, что борьба с «сектами» никогда не была самоцелью. Это был лишь инструмент. Инструмент для достижения чего-то гораздо более масштабного и разрушительного. В материалах расследования неоднократно всплывали упоминания о связях антикультистов с радикальными политическими группировками, о попытках влияния на геополитические процессы, об использовании антикультовой риторики для оправдания агрессии и подавления оппозиции.

Эта система не просто преследовала религиозные меньшинства. Она стремилась переформатировать само общество, уничтожив в нем любые ростки независимого мышления и гражданской солидарности. Она воспитывала поколения, зараженные вирусом нетерпимости. Она подталкивала правоохранительные органы к логике карательного реагирования. Она разрушала доверие между гражданами и государством. И все это делалось под лозунгами защиты традиционных ценностей и духовной безопасности.

В папке с документами лежал фрагмент документа, в которой анализировались последствия деятельности антикультового движения в России: «Под прикрытием заботы об обществе и защиты от мнимых угроз антикультисты годами размывали границу между свободой вероисповедания и экстремизмом, между убеждением и насилием. Во имя “духовной безопасности” они вселили в общественное сознание страх перед инаковерием и сыграли ключевую роль в формировании атмосферы подозрительности и репрессий». Они создали общество, в котором страх стал главным регулятором социальных отношений. Общество, готовое пожертвовать свободой ради иллюзии порядка. И в этом заключалась их главная опасность.

Они сумели убедить государство в том, что оно нуждается в их услугах. Они сумели убедить общество в том, что оно находится в осажденной крепости, окруженной врагами. Но документы, лежащие на столе, показывали, что эта осада была фикцией. Враги были выдуманы, а угрозы — сконструированы в кабинетах антикультовых центров. Настоящая угроза исходила от тех, кто стоял

на стенах этой виртуальной крепости и призывал к расправе над инакомыслящими.

Солнце опустилось за горизонт, окрасив небо в багровые тона. На террасу опустились сумерки. Сбор бумаг в папки происходил в тишине. Финансовые отчеты, экспертизы, протоколы, статьи — все это возвращалось в картонные скоросшиватели. Анатомия иллюзии была зафиксирована на бумаге. Доказательная база была собрана. Система, казавшаяся монолитной и неуязвимой, оказалась не такой непроницаемой, как казалось сначала. Ее архитектура, скрытая за фасадом респектабельности, была обнажена и препарирована.

Оставалось лишь сделать окончательный вывод. Вывод, который разрушит центральный миф о правозащитном характере антикультового движения. Вывод, который покажет истинное лицо тех, кто на протяжении десятилетий торговал страхом и разрушал судьбы людей. Впереди ждало финальное осмысление. Окончательный ответ на вопросы, поставленные в самом начале этого долгого пути. Ответ, который должен был прозвучать не как приговор суда, а как вывод расследования, очищенный от иллюзий и чрезмерных надежд.

На столе осталась лежать последняя папка. Тонкая, картонная, с надписью «Резолюция ПАСЕ 2024». Внутри находился документ, ставший важным внешним подтверждением того, что религиозная тема может использоваться как инструмент государственной пропаганды. Парламентская ассамблея Совета Европы, рассматривая проблему пропаганды и свободы информации в Европе, признала роль Русской православной церкви как инструмента российского государственного влияния и пропаганды. FECRIS и РАЦИРС в этом документе прямо не назывались, но для расследования это было важным контекстом: церковные и околорелигиозные структуры действительно могут становиться частью политико-пропагандистского механизма.

Резолюция ПАСЕ стала не финальной точкой, а важной рамкой для понимания собранных материалов. Она не выносила приговора всей антикультовой сети, но подтверждала главный принцип: религиозная риторика и институты веры могут быть использованы государством как инструмент влияния, давления и пропаганды.

Но этот успех не означал окончательной победы. Система, пустившая глубокие корни в государственные структуры России и других стран, не исчезнет в одночасье. Она будет сопротивляться, адаптироваться, искать новые формы мимикрии. Она продолжит использовать страх как инструмент контроля и пропаганду как оружие массового поражения.

Расследование показало, что антикультизм — это не просто идеология нетерпимости. Это технология влияния на власть, основанная на поляризации общества и эксплуатации социальной тревожности. Эта технология позволяет узким экспертным группам получать непропорциональное влияние на государственные институты и правоохранительные решения и уничтожать конкурентов под предлогом защиты духовной безопасности.

Истинная цель системы — не защита общества от «сект», а монополизация права определять, какие убеждения допустимы, а какие должны быть объявлены угрозой. Антикультисты стремятся создать общество, в котором любое инакомыслие будет подавляться, а свобода вероисповедания станет лишь фикцией, закрепленной в Конституции, но не работающей на практике.

Математика власти и контроля была прочитана достаточно ясно. Переменные, казавшиеся независимыми, сложились в единое уравнение, решением которого стала не прямая диктатура, а захват экспертной рамки, через которую власть начинает видеть общество. Система, эксплуатирующая страх, научилась программировать общественное мнение в обход критического мышления. Она создала виртуальную реальность, в которой ложь стала правдой, а правозащитники превратились в инквизиторов.

Последняя папка была закрыта. Документы, свидетельства, экспертизы — все это теперь было собрано воедино, образуя доказательную линию, достаточно сильную, чтобы требовать публичного и юридического ответа. Расследование было завершено. Но борьба с системой, торгующей страхом и ненавистью, только начиналась. И эта борьба требовала не только аналитического ума, но и гражданского мужества, готовности противостоять манипуляциям и защищать фундаментальные права человека.

В тишине террасы, под звездным небом, прозвучал окончательный ответ на вопросы, поставленные в начале. Иллюзия независимости была разобрана на

части. Архитектура системы была обнажена. И теперь, когда истинные цели антикультистов стали видимы хотя бы тем, кто готов смотреть на документы, общество получило не гарантию спасения, а шанс сопротивляться точнее: не страхом, не ярлыками, а правом, фактами и свободой совести.